

Афганские будни—это мои личные воспоминания о службе и жизни в Афганистане, изложенные в хронологической последовательности и связанные между собой по месту и времени.

Все события по службе происходят в провинциях Бадахшан и Кундуз. Всё, что написано в дневнике, на девяносто семь процентов правда, три процента оставляю на свою субъективную оценку событий...

Глава первая

Шестнадцатого ноября 1986 года я пересёк границу Афганистана. Этот день разделил мою жизнь на две половины. Вторую половину мне ещё предстояло узнать...

В начале сентября, после краткосрочного отпуска с заездом на малую родину к родителям в Абакан, я прибыл для дальнейшего прохождения службы в Ташкент, в штаб Краснознамённого Туркестанского военного округа.

Сразу же после обращения в отдел кадров Туркво мне и Жене Вожову, командиру гранатомётного взвода 1-го мотострелкового батальона, куда я попал, приехав в ЦГВ, подполковник-кадровик предложил должности в военном комиссариате одного из районов Джизакской области Узбекистана. Дело в том, что перед самым нашим приездом в Ташкент, по причине тотальной коррупции в военкоматах Туркво, была произведена чистка кадров, в результате чего несколько десятков офицеров лишились должностей и были уволены из рядов Вооружённых Сил.

Я на секунду представил, что продолжу свою службу в каком-нибудь затрёпанном районном военкомате, и ужаснулся самой мысли о продолжении такой карьеры. Поэтому предложение о службе в военном комиссариате отнёс без колебаний. А старший лейтенант Вожов согласился и поехал служить в районный военкомат Джизака. Его можно было понять. У него семья, маленький ребёнок...

— Тогда—Афганистан, товарищ старший лейтенант,—с нескрываемой ухмылкой обратился ко мне кадровик.

— Ну что ж, Афганистан так Афганистан. Не я первый, не я последний...

Я не стал упрашивать подполковника найти мне «тёплого» местечко. Даже сама мысль об этом мне претила.

Я, как и все военные люди, не выбирал: где прикажет Родина, там и буду служить...

Для кадровиков я был ценным товарищем: у меня уже был заграничный служебный паспорт, я не был обременён семейным положением, меня не нужно было обеспечивать квартирой. Ну а то, что за три года я приобрёл бесценный опыт службы в развёрнутой воинской части, было хорошим бонусом.

Подполковник отдела кадров смерил меня пристальным взглядом, дал листок бумаги и ручку: — Пиши, старлей, рапорт о добровольном направлении для прохождения дальнейшей службы в составе Ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан.

Офицер-кадровик предупредил, что отправка в Афганистан будет в ближайшие дни и что я должен буду приходить в штаб округа и узнавать дату отправки. Странное дело: он даже не поинтересовался, где я в настоящее время проживаю, есть ли у меня финансы.

Глава вторая

В Ташкенте я остановился у своего друга по военному училищу Александра Походина. С Александром мы вместе приехали поступать в Омское ВОКУ из одного города, где жили неподалёку друг от друга, у нас были общие знакомые—в общем, земляки. Так уж распорядилась судьба, что мы попали учиться в один взвод, в одно отделение, а наши кровати стояли рядом все четыре года обучения. Саня с женой Татьяной и сыном Артёмом жили в одноэтажном, старой постройки, кирпичном флигеле рядом с Ташкентским общевоинским командным училищем, где он проходил службу командиром курсантского взвода. Он попал служить в это училище сразу по окончании Омского ВОКУ, хотя мог выбрать место и получше, так как окончил училище с красным дипломом. Мне выделили койку на веранде, которая выходила в небольшой сад.

Каждое утро я приходил в штаб округа, узнавал об отправке, получал вежливый отказ и ехал обратно домой. Днём гулял в центральной части

Ташкента, наслаждаясь красотой его зелёных и ухоженных улиц. Ближе к вечеру, когда спадала жара, принимал участие в футбольных баталиях офицеров — сослуживцев Александра Походина. Такое моё состояние продолжалось около месяца, прежде чем, наконец, мне выдали предписание убыть в распоряжение командования 40-й армии.

В последний день перед отправкой в Афганистан, голодный и неприкаянный, в раздумьях о своей дальнейшей участи, я шёл по многолюдному и шумному Ташкенту. Никто не обращал на меня внимания, да и кому я был нужен в этом мире, кроме своих родных?.. Ситуация усугублялась тем, что к моменту отправки в Афганистан в моих карманах не было ни копейки денег..

Я брёл, опустив голову, по раскалённому тротуару вдоль улицы Пролетарской. Среди осенней листвы мой взгляд остановился на зеленоватой бумажке. Она была моим настоящим спасением. Я огляделся по сторонам, чтобы никто не заметил моего наклона за заветной купюрой, ловким движением правой руки подцепил трёшку и сунул её в карман брюк...

Неподалёку от места, где мне улыбнулась удача, я увидел хинкальню. На рубль я взял полуторную порцию узбекских пельменей с бульоном и полстакана сметаны. Насытив свой организм, я отправился в парк имени Горького. Ранее я уже захаживал в этот зелёный оазис с раскидистыми чинарами для того, чтобы пострелять из пневматической винтовки, и весьма преуспел в этом деле. В тире практиковалась призовая стрельба. Главным призом была определённая сумма денег. Иногда мне удавалось «заработать» несколько рублей, и я, довольный, уходил по своим делам. Бывали случаи, когда я вовремя останавливался и уходил «при своих»...

С двумя рублями в кармане я подошёл к стойке, чтобы поучаствовать в такой стрельбе... Мишени были отпечатаны на чёрном прорезиненном постаменте и представляли собой пять кругов — по количеству стрелков, участвующих в призовой стрельбе. Каждый стреляющий покупал по пять пульек, стоимость которых составляла двадцать пять копеек. Приз, в размере пяти рублей, получал стрелок, набравший пятьдесят очков. Три рубля получал стрелок, набравший сорок девять очков. Один рубль получал стрелок, у которого было выбито сорок восемь очков. В лучшем случае один из пяти стрелков выбивал сорок семь — сорок восемь очков. Поэтому тирщик почти всегда оставался с хорошей прибылью.

Этот стрелковый аттракцион был популярен среди местной публики и привлекал много народу. Купив пять специальных пульек с плотным хвостовым оперением, мне пришлось подождать, пока освободится «моя» винтовка, которую я знал «в лицо», точнее, знал её номер...

По команде тирщика я и мои соперники приступили к стрельбе. Первым же выстрелом я попал в десятку. Аккуратно, не меняя точку прицеливания и плавно спуская спусковой крючок, я выбил пятьдесят очков. Первая серия закончилась удачно, и мне выплатили пять рублей. Купив пульки для повторной стрельбы, я продолжил стрельбу. Отстреляв ещё раз и выбив пятьдесят очков, я вновь получил свои призовые. Протянув тирщику деньги для третьей стрельбы, я получил категорический отказ с формулировкой:

— Иди отсюда на... ворошиловский стрелок. Понаехали тут разные...

Вдобавок к этой фразе старый узбек достал из штанов скоманную пятирублёвую бумажку и протянул её мне, шепнув на ухо:

— На и уходи быстрее, а то мне тут тебе всю ручку придётся отдать...

Заработав тем, для чего, собственно, я учился четыре года, почти пятнадцать рублей, я устроил семейству Походиных и себе прощальный перед отправкой в Афганистан ужин.

За столом Саша сказал мне слова, которые я запомнил навсегда:

— Михалыч, сохрани себя, никогда не иди на компромисс с собственной совестью и обязательно вернись домой, где тебя будут ждать родители и брат...

Перед ужином я позвонил своим родителям. Ничего не сказав им о своём новом назначении, я попросил маму, чтобы она передала трубку младшему брату Олегу. Только ему я намекнул о том, что еду служить в Афганистан и чтобы он пока ничего не говорил родителям, а в случае непредвиденных обстоятельств был для них надёжной опорой...

Глава третья

Самолёт на Кабул должен был вылетать ранним утром шестнадцатого ноября. Уже не помню, каким способом я добрался до аэродрома Тузель (Ташкент-Восточный), но последние двести метров шёл пешком по ночному Ташкенту и тащил полный чемодан вещей, привезённых из Чехословакии. Мимо по широкой ночной улице проезжал тяжёлый тягач, который медленно буксировал от заводских ворот новенький Ил-76.

Под утро мы взяли курс на Кабул. Соседи, летевшие к новому месту службы, из отпусков и командировок, молча наблюдали за происходящим. Каждый по-своему, и я в том числе, переживали и были наедине с собственными мыслями. Неизвестность и неопределённость, страх и тревога — вот эти четыре слова, которые характеризовали моё состояние. Что будет дальше? Как пройдут полёт и посадка? Где и в каком месте буду служить? Как сложится дальнейшая судьба? Останусь ли живым и вернусь ли домой?..

Подлетая к аэродрому Кабула, самолёт начал снижение. Посадка проходила не так, как это происходит в обычных, мирных условиях. Для обеспечения безопасного расстояния от точки возможного обстрела до самолёта существовала зона, которую контролировали наземные части боевого охранения аэродрома. Самолёт должен попасть в охраняемую зону, начать снижение почти вертикально по спирали, делая два витка перед посадкой, не давая возможности противоборствующей стороне произвести выстрел из переносного зенитного ракетного комплекса или крупнокалиберного пулемёта. Одновременно самолёт производил отстрел так называемых ловушек (пиропатронов). Их тепловой эффект был значительно выше температуры выходящих газов воздушного судна, что осложняло прицеливание инфракрасной головки самонаведения ракеты. Кроме этого, в небо поднимались вертолёты для прикрытия транспортных самолётов. Всю картину происходящего мы, сидевшие в Ил-76, сполна прочувствовали на себе. Уши не просто закладывало, они сворачивались в трубочку. Лёгкая паника и ужас охватили нас. Вся посадка заняла считанные минуты, лайнер благополучно приземлился на взлётно-посадочной полосе кабульского аэродрома, и груз переживаний свалился с плеч.

Яркое афганское солнце, несмотря на середину ноября, ласкало своими жаркими лучами. Встречавший нас колоритный старший прапорщик в рыжих усах зычным голосом скомандовал прилетевшим пройти за ним на территорию кабульского пересыльного пункта. Нас построили, распределили по модулям казарменного типа.

Из громкоговорителей то и дело доносились объявления о необходимости сдать кровь соответствующей группы, оглашался список военнослужащих, которым необходимо было собрать вещи и проследовать к месту посадки для отправки в свой гарнизон или в штаб 40-й армии.

Мы сдали документы для определения своей дальнейшей участи. Ближе к обеду вновь прибывших военнослужащих собрали в большом металлическом ангаре, который одновременно служил клубом и столовой. Молодой замполит провёл с нами беседу о нравах и обычаях народов Афганистана.

После просветительского мероприятия вместо пицци познавательные стали потчевать дарами съедобными. Несмотря на откровенно плохо приготовленные блюда, я без разбора съел всё, что было предложено, потому что к этому моменту я не ел почти двадцать часов.

В столовой я познакомился с лётчиком, командиром звена Су-25 из Кандагара, который возвращался из командировки в Союз. Алексей был в кожаной лётной куртке и в лётном камуфлированном обмундировании, подтянутый, с голубыми глазами, брюнет — таких мужиков любят

женщины. Я обратил внимание, что питался он не так, как все остальные, и спросил у него:

— Почему у тебя другой рацион? — на что он ответил, что у него лётный паёк по талонам.

В модуле мы расположились на соседних кроватях и разговорились о службе. Алексей уже второй раз в Афганистане. После года службы лётный состав и обслуживающий технический персонал заменялись в Союз.

Тем временем по громкой связи в очередной раз объявили, что срочно требуется третья положительная группа крови. Как раз у меня была такая группа. Я первый раз решил сдать кровь, за это полагалось двое суток к отпуску и дополнительный паёк в виде шоколадки, двух банок консервов, пачки печенья и банки сгущённого молока.

На пересыльном пункте кипела своя, особая жизнь. Кто-то прилетал в Афганистан, а кто-то убывал в Союз или к новому месту службы в Афгане.

Интересно было наблюдать за вновь прибывшим контингентом, коим был и я. Особо пристальные взгляды привлекала девушка, прохаживающаяся по бетонному тротуару. Она была одета в короткую юбку, которая ещё больше усиливала и приближала к ней мужские взгляды. Глядя на эту красотку, я подумал: зачем она приехала в Афганистан, с какой целью?

...Ведь здесь стреляют,

И здесь, как прежде, идёт война...

Незаметно наступил вечер. В клубе показывали фильм с ужасным звуком, который то и дело прерывался из-за объявлений и обрывов киноплёнки. Суэта не прекращалась ни на минуту. В модуле играли на гитаре. Несколько офицеров распивали преферанс. Война была где-то далеко и совсем близко... Мы с Алексеем приготовились немного поспать и уже укладывались в скрипучие кровати. После новых впечатлений, раздумий и тревог я провалился в безмятежный сон. Не помню, сколько я проспал, но сон мой и моих соседей был прерван раздавшимся поблизости мощнейшим взрывом. Я автоматически свалился под панцирную кровать. Алексей невозмутимо лежал рядом и, не скрывая улыбки, стал успокаивать меня, говоря, что всё уже позади. И правда, зачем падать, когда взрыв уже прогремел?.. Не показывая, что испугался, я встал, отряхнулся от толстого слоя прикроватной пыли, как вдруг ещё один взрыв прогремел в ночной тишине. Выбитые окна в углу нашего модуля и осколки стекла подтвердили опасность происходящего. Вот тут я наконец понял: я на войне. Затем было ещё несколько разрывов реактивных снарядов, которые уже не представляли опасности для нас, обитателей пересыльного пункта, но, несомненно, принесли боль и горе неизвестным нам людям.

В ответ заработал дивизион реактивных установок «Град». Через несколько минут «война» прекратилась так же внезапно, как и началась...

Наутро моего нового друга Алексея вызвали для отправки к своему месту службы. Широким гусарским жестом он отдал мне пару своих талонов. Мы попрощались. Алексей пожелал нам обоим, чтобы количество взлётов соответствовало количеству посадок. Впервые от него я услышал выражение, что «не бывает ничего в жизни в последний раз, бывает только крайний раз»...

На пересыльном пункте я провёл ещё пару суток. Не знаю, чем было вызвано моё столь длительное пребывание, но мне порядком это надоело. Народ сменял друг друга, а я всё никак не мог определиться, где же я буду служить...

Наконец наступил день, когда объявили мою фамилию и номер борта Ан-12 на Кундуз, на котором я должен был убыть к новому месту службы. Окружающие, с которыми я успел познакомиться, одобрительно закивали головой. Хорошо, что в Кундуз, на север страны, а не на юго-запад, куда-нибудь в Кандагар. «Если хочешь жить как туз, поезжай служить в Кундуз», — такая поговорка ходила по Афганистану. Получив в каптёрке свой чемодан, я чуть было не опоздал к самолёту, который стоял с уже работающими двигателями и поднятой аппарелью грузового отсека на дальней стоянке. Я с трудом закинул чемодан, попробовал самостоятельно загрузиться, но с первой попытки не получилось. Затем чья-то мощная рука подтолкнула и закинула меня в чрево самолёта... Боковые створки закрылись, и самолёт медленно, покачивая крыльями, направился к старту взлётно-посадочной полосы.

Почти половина салона самолёта была загружена деревянными ящиками с фамилиями и адресами для доставки скорбного «груза-200». По бортам самолёта сидели человек двадцать солдат, прапорщиков и офицеров, которые сопровождали этот «груз». Рядом на развёрнутом брезенте лежали туши говяжьего мяса. Мне досталось место в хвосте Ан-12...

В мыслях о предстоящих событиях и встречах время в полёте пролетело незаметно. Самолёт садился в Кундузе «по-афгански», под прикрытием пары Ми-24... Ситуация усугублялась тем, что при изменении давления воздух внутри фюзеляжа наполнялся смесью запахов, исходящих от грузов. Шасси самолёта коснулось твёрдой поверхности, наступило не сравнимое ни с чем облегчение...

В тот момент я ещё не знал, что мне не раз предстоит «путешествовать» по северным провинциям Афганистана на различных типах воздушных судов...

Спустя несколько месяцев, когда транспортные самолёты и вертолёты стали летать по ночам, родились эти строки:

Ночь темна, только звёзды мерцают.
Тишина... но никак не уснуть.
Это гул самолёта прорвался наружу,
И пытается в небе спираль завернуть.

Гул моторов всё ближе и ближе,
Подустали работать в крошечной ночи,
Им бы надо бы просто выжить,
Всё спокойно, сиди и молчи.

Тем, кто там, им, наверное, туго,
Уши всмятку, прижало к скамье,
Да и прыгать, наверное, глупо,
До земли две пятьсот, я в себе...

Ну а лётчик, знать, парень бывалый,
Заложил свой вираж на второй уж виток,
Без отстрелов идёт, и на малом
Он заваливает на восток.

И с востока, под рёв моторов,—
В крайний свой крутейший вираж.
Двести метров осталось, посадка,
Всё, не сбили сегодня вас...

Глава четвёртая

На аэродроме Кундуза меня встретил водитель командирского бронетранспортёра, рядовой Сандуленко Николай. Белокурый парень с Донбасса отвёз меня в расположение отдельного батальона. Поездка заняла минут десять, не больше, но за это время всё моё обмундирование оказалось в пыли. Я с большим трудом отряхнулся от въедливой афганской пыли и обратил внимание, что на въезде в батальон, по обе стороны от ворот, находятся два крыла, забетонированных в постамент. Это был один из символов нашего батальона, так называемые «крылышки». На входе справа расположилось отдельно стоящее здание магазина военторга, за ним солдатская казарма. Слева, напротив магазина, какие-то незнакомые мне пока строения. Штаб батальона с пристройками располагался в сорока метрах прямо перед въездными воротами. Все помещения были выкрашены в серый цвет. Территория была ухожена, ровные бетонные дорожки, зелёные насаждения в виде небольших раскидистых, похожих на пальмы, растений. Между штабом и солдатской казармой, рядом с глубоким оврагом, я увидел открытый бассейн, загороженный щитами с плакатами и наполненный водой, который вызвал у меня удивление.

В замешательстве я стоял и не знал, куда же мне идти и что делать дальше. Согласно Уставу внутренней службы, мне необходимо было представиться своему новому командиру части. Кто-то из офицеров сказал, что комбат в бане и придётся немного подождать. Через некоторое время меня пригласили в помещение штаба, который временно служил и местом для проживания комбата. Моему взору предстала небольшая комната,

в которой сидел сержант-писарь, попросивший у меня все документы. Затем меня пригласили к командиру батальона. Я зашёл в кабинет-спальню. В кресле сидел худощавый молодой человек. На вид ему было не больше тридцати лет. Он сидел в кресле, запахнувшись махровым халатом, в солдатских прикроватных шлёпках. Я слегка напрягся и не знал, как обращаться к командиру. Он, видя моё замешательство, сам назвал своё звание, должность и предложил продолжить уставленный церемониал. Теперь уже я чётко, как учили, отрапортовал:

— Товарищ капитан, старший лейтенант Коряков! Представляю по случаю назначения на должность командира взвода!

Мы обменялись с комбатом и присутствующим в кабинете начальником штаба батальона капитаном Никитиным рукопожатиями. Начались расспросы, какое училище я закончил, где служил до Афганистана.

«Если два офицера, закончившие общевоинские учебные заведения, в течение получаса не нашли общих знакомых, значит, один из них — американский шпион...»

Так и во время нашей первой встречи: обнаружилось, что в Центральной группе войск, где я начинал свою армейскую службу, начальником штаба нашего батальона был капитан Матисаков Н. Э. — однокурсник моего нового комбата.

Капитан Перевозчиков Сергей Геннадьевич, мой новый командир батальона, рассказал о батальоне, о роте, в которой я буду служить, и в чём заключаются особенности моей новой службы. Мне предстояло ещё одно путешествие — убыть на вертолёте в северо-восточную горную провинцию Афганистана, в Бадахшан, на аэродром города Файзабада, где располагалась первая рота батальона.

Комбат выразил сожаление, что время года, в которое я прибыл, было прохладным. Иначе я должен был пройти ритуал, который проходили все вновь прибывшие офицеры и прапорщики батальона. А ритуал заключался в следующем. Начштаба, под предлогом ознакомления, забирал у офицера все имеющиеся документы, а кто-то незаметно подходил сзади и толкал прибывшего в бассейн. Это было так называемое первое афганское крещение. Если честно, не хотел бы я оказаться в такой ситуации. Может, со стороны такая процедура скрашивала афганские будни и выглядела смешно, но для виновника сего события это был дополнительный стресс.

Глава пятая

Между тем быстро наступил вечер. Меня определили на первое время пребывания, до отправки в Файзабад, во вторую роту батальона, которая находилась в километре юго-западнее управления батальона. Нужно было пешком, с чемоданом,

преодолеть широкий овраг глубиной около тридцати метров. Тут я впервые увидел и почувствовал, что такое афганская пыль. Эта была не просто пыль, а мучная мелкодисперсная субстанция. Мои сапоги проваливались в неё, поднимая пыльное облако, которое я хватал своим носом и ртом. Пыль оседала на обмундирование, сапоги и забивалась во все открытые участки. Когда я пришёл на заставу второй роты и на свету увидел себя в пыли, долго отмывался, но все попытки были тщетны... С этой пылью я прожил в Афганистане почти два года. Чуть позже я услышал, что за два года в Афганистане военнослужащие увозят по два кирпича в своих лёгких, и это было недалеко от истины...

Когда я познакомился с офицерами и прапорщиками управления второй роты, командир роты капитан Глушко Н. П. отправил меня в баню. Видимо, мой внешний вид представлял собой жалкое зрелище... Баня для русского человека вещь особая, а в условиях боевых действий особая вдвойне...

После бани меня ждал званый ужин. Офицеры и прапорщики второй роты уже сидели за накрытым столом, и по случаю знакомства, в знак гостеприимства или по другой, неизвестной мне причине старшина разлил по рюмочкам, представляющим собой пластмассовые колпачки от упаковок для хранения и перевозки нурсов, в обиходе прозванных «нурсиками», домашний самогон.

Моё тело расслабилось, обмякло и успокоилось. За разговорами мы просидели недолго. Меня отпустили спать на выносной пост первого взвода второй роты. В маленькой землянке, в крохотной комнатёнке, я провёл первую на новом месте службы ночь.

Глава шестая

Утром из штаба батальона пришло распоряжение о сборе офицеров для участия в методических занятиях руководителей групп политзанятий, которые проводились в клубе 201-й мотострелковой дивизии. К назначенному времени собрались все свободные от службы офицеры дивизии, в том числе и офицеры нашего батальона, с которыми я виделся впервые. Многих из них, как оказалось впоследствии, я видел в первый и в последний раз — по причине того, что подразделения находились на удалении друг от друга и часть военнослужащих вскоре уехала по замене в Союз, а на смену им прибыли новые офицеры и прапорщики.

Из всех присутствующих я выделялся своей серой повседневной офицерской шинелью и глаженными хромовыми сапогами. Мне казалось, что все смотрят только на меня. Но, как говорится, нет худа без добра. У стены клуба, в компании сослуживцев, я увидел старшего лейтенанта со знакомой широкой белозубой улыбкой. Это был весельчак Шура Полянский, мой одноклассник по Омскому общевоинскому командному

училищу. Он подошёл ко мне, мы обнялись. Он был удивлён и, увидев меня, спросил:

— Юра, ты что здесь делаешь?

— То же самое, что и ты, Саня,— ответил я.

Мы перекинулись с ним новостями об однокашниках, которые служили в Афганистане. Срок его службы подходил к концу. Он был ротным в Кундузском разведбате. Затем я увидел офицера, с которым служил в 30-й Иркутско-Пинской дивизии в Чехословакии. Он рассказал, что приехал в сентябре и служит в 149-м мотострелковом полку. В перерыве между занятиями ко мне подошёл полковник Шеходанов Владимир Николаевич. Под его началом я служил в Чехословакии, в 30-й гвардейской Иркутско-Пинской орденноносной мотострелковой дивизии. Он запомнил меня по учениям «Щит-84», в которых мне посчастливилось принимать участие. Наша мотострелковая рота в составе первого батальона наступала совместно с Венгерской народной армией. Моему взводу выпала честь на стыке двух дружественных армий, в непосредственной близости от наблюдательной вышки, на которой находились министры обороны стран Варшавского договора, «атаковать» условного противника. В ходе каждодневных тренировок он запомнил моё лицо и, когда мы встретились с ним взглядами уже в Кундузе, приветствовал меня. Спустя десять месяцев судьба вновь сведёт меня с этим офицером. Но это будет совсем другая история. А сейчас мы постигали новые горизонты и методы политического образования в деле воспитания беззаветной преданности и патриотизма своих бойцов.

Глава седьмая

Через три дня после моего прибытия в батальон я впервые должен был лететь на вертолёт. Диспетчер указал борт, на котором предстоял полёт. Я подошёл к указанному вертолёту. В распахнутой боковой двери Ми-8 я увидел борттехника. Увидев меня, вертолётчик замахал руками, показывая, что на борту нет парашютов, и что-то выкрикивая сквозь шум работающих двигателей.

Мне пришлось побегать с чемоданом по вертолётной стоянке, прежде чем я «нашёл» борт, в котором был свободный парашют. Это был Ми-6, бортовой номер сто сорок два, отдельной вертолётной эскадрильи «советников», которая специализировалась на доставке гуманитарных грузов (крупа, мука, сахар и другие продукты) по всему Афганистану.

Вертолётчики приняли меня как родного, надели парашютную систему и усадили поближе к кабине пилотов, так что я мог слышать все переговоры экипажа с землёй, между вертолётами и внутри нашей «вертушки».

Караван из семи вертолётов Ми-6 и двух вертолётов сопровождения Ми-8 взял курс на Файзабад.

В ноябре 1986 года все полёты военно-транспортной авиации выполнялись в дневное время. Глядя в иллюминатор вертолёта, я рассматривал покрытые снегом пики вершин. Проплывающий внизу горный пейзаж завораживал.

Выйдя на заданный курс, вертолётчики не стеснялись, вели переговоры между экипажами каравана и открыто сообщали, какой груз доставляется в Файзабад. По статистике, а затем и на личном опыте, я знал, что вертолёты эскадрильи «советников» никогда не сбивали по причине того, что часть перевозимого груза в конечном итоге оказывалась у «дúхов».

Вертолёты производили посадку так же, как и самолёты, по спирали. Но здесь, в Файзабаде, ситуация усугублялась наличием горного массива, который располагался по периметру узкой поймы реки Кокча. Расстояние от гор до взлётно-посадочной полосы и аэродромных сооружений позволяло прямой наводкой производить обстрел всего того, что летает и передвигается по земле.

По установленной традиции, каждый караван вертолётчиков встречали, в том числе и представители нашей первой роты. Увидев меня в повседневной форме (шинели, фуражке и хромовых сапогах), ко мне подошёл офицер азиатской наружности, с редкими усиками, и мягким, вкрадчивым голосом представился:

— Заместитель командира первой роты старший лейтенант Гомбоев. К нам в роту?

— Да, к вам в роту. Я старший лейтенант Коряков. — Давай грузи чемодан на БРДМ и сам забирайся, поедем в управление роты, будем знакомиться с личным составом.

Как оказалось чуть позже, Арслан Цибенович Гомбоев — выпускник Дальневосточного высшего общевойскового командного училища имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, 1983 года выпуска. В этом же году и я окончил училище, поэтому у нас было много общих знакомых-однокашников, с кем мы учились или служили до Афганистана. Арслан рассказал, что из восьми офицеров и прапорщиков в роте находятся четыре человека. Он и сам незадолго до моего прибытия лежал в санчасти 860-го отдельного мотострелкового полка и лечился от малярии. Остальной командный состав роты проходил лечение в инфекционном госпитале в Кундузе. Не было командира роты старшего лейтенанта Сергея Ефимкина, командира первого взвода Артура Егиазаряна и замполита роты — эта должность была вакантной. В строю оставались командир второго взвода лейтенант Александр Екимовский, старшина роты прапорщик Игорь Богданович Кузив, техник роты старший прапорщик Володя Кравцов, Арслан и вот теперь ещё и я, старший лейтенант Коряков Юрий, вновь прибывший командир третьего взвода.

Единственный человек нашего небольшого подразделения, кто не подхватил желтуху (гепатит), — техник роты старший прапорщик Кравцов Володя. У него была коронная фраза, которой он обезоруживал окружающих: «Красные глаза не желтеют...» А всё почему? Да потому что он почти каждый день дезинфицировал свой организм тридцатью граммами сорокаградусного напитка. Остальные военнослужащие, кто имел такую возможность, делали это от случая к случаю, поэтому и подхватили заразу. По нему никогда не было видно, что он подшофе... Тридцать граммов для стокилограммового русского мужика — как слону дробина...

Глава восьмая

Меня переодели в полевую форму-афганку, выдали армейский чёрный тулуп и представили бойцам. Практически с этого момента началась моя настоящая служба в Афганистане. Застава моего третьего взвода располагалась в землянке, в трёхстах метрах от афганского кишлака Кури. Два поста наблюдения находились в непосредственной близости, через дорогу от населённого пункта. Землянка, окружённая небольшим каменным забором, на котором стояли гильзы от снарядов, представляла собой заглублённое сооружение со сквозным проходом, обитое изнутри деревянной вагонкой, сделанной из досок от ящиков из-под реактивных снарядов для «Града». Снаружи стены землянки были усилены большими, округлой формы, камнями, стыки между которыми промазаны глиной. Небольшие оконные проёмы, которые на ночь завешивались светомаскировкой, одновременно служили бойницами. Солдаты спали на двухъярусных кроватях. Рядом с входом, с правой стороны, у стены стояли пирамиды с оружием и боеприпасами. На спинках кроватей висели бронежилеты. В отдельном месте в землянке находилось помещение для приёма пищи. Рядом со спальным помещением, с левой стороны, располагалась небольшая канцелярия командира взвода, на одной из стен которой висел щит взводной документации, закрытый плотной тканью. В этом же помещении была оборудована небольшая спальная комната со встроенными деревянными нарами и креслом, сколоченным из двух ящиков от выстрелов ПГ-7 для ручного гранатомёта РПГ.

Глава девятая

С первого дня своей службы я приступил к знакомству со своими бойцами. Молодые парни, немногим старше восемнадцати лет, почти ровесники моего брата, представляли срез нашего общества. Они были из семей простых родителей, разных национальностей, призванными из разных регионов нашей огромной страны. Солдаты

выглядели замученными не только экстремальной обстановкой, но и чем-то ещё, пока непонятным для меня. Я видел в глазах почти всех своих бойцов тоску, печаль и безысходность. Лица многих были небриты и грязны. Обмундирование и постельное бельё давно не стираны. Я видел, как бойцы чесали в кровь своё тело из-за паразитов. Мне нужно было как можно быстрее разобраться с этим состоянием всеобщего хаоса и привести их «к нормальному бою».

Днём замкомроты провёл меня пешком по всем заставам и постам наблюдения нашей роты. Протяжённость маршрута составляла чуть более пяти километров. За ночь необходимо было пройти этим маршрутом два раза и проверить, как осуществляется дежурство в ночное время во всех взводах нашей роты.

Помню свой первый проход по периметру, который начался от управления роты. В подразделении была установлена особая система паролей и отзывов, которая сообщалась личному составу каждый день в момент отдачи приказа и постановки задач на охрану и оборону нашей зоны ответственности. Вечером выпал снег, который продолжался всю ночь, и то, что было понятно и очевидно днём, ночью приобрело совершенно другие очертания и ориентиры.

Первым пунктом моего дежурства был наблюдательный пост первого взвода, который находился в центре нашей роты. Я двигался по незнакомой мне местности самостоятельно. При мне был мой личный автомат и два магазина с патронами. Когда я приблизился к месту, где, по моим ощущениям, должен был находиться наблюдательный пост, меня никто не окрикнул (на самом деле до поста надо было пройти ещё пятьдесят метров). Я проследовал дальше и слегка напрягся, сделал ещё несколько шагов и услышал, как за спиной, в десяти, кто-то чертыхнулся. У меня по спине потекли холодные капли пота. Никакого установленного окрика в мой адрес не последовало. Конечно, я испугался, но, слава Богу, никого рядом не было, и никто не видел моего трепетного состояния... После небольшой паузы я выстрелил на звук. Наутро мы с Арсаланом по отпечаткам следов от обуви на свежем снегу определили, что кто-то неизвестный хотел проверить нас на прочность и бдительность.

Две пары афганских калош уходили в сторону горной реки Кокчи. Только река в этом месте была своеобразным заградительным барьером между афганской стороной и расположением нашей роты. Тем не менее, несмотря на холодное время года, кто-то смог переправиться и выйти к нашему посту. Сплошных минных полей вокруг расположения нашей роты не было, поэтому сохранялась возможность скрытного проникновения на наши позиции.

По рассказам моих сослуживцев, летом 1985 года на бортовом ГАЗ-66 с полуторакубовой ёмкостью бойцы решили привезти в роту воды для помывки личного состава в бане. Грузовик заехал в реку чуть больше допустимого, и бурным потоком автомобиль утащило ближе к середине реки. Хорошо, что обошлось без жертв. Только спустя несколько недель, когда уровень воды спал, автомобиль удалось вытащить из реки. Единственным материальным ущербом была утрата одного автомата, который мы нашли в двухстах метрах ниже по течению реки в середине мая 1987 года.

Под утро я пошёл на второй круг. Моё первое дежурство близилось к завершению. Я подходил к своей заставе, которая находилась на противоположной стороне взлётно-посадочной полосы. С первыми лучами пробивающегося из-за гор солнца со стороны расположения отдельной роты аэродромного обеспечения, совершенно неожиданно, в мою сторону бежали четыре разъярённых псины. Три серые собаки, с обрезанными ушами, южно-азиатские овчарки огромных размеров, лаяли и кидались на меня. Четвёртая, рыже-белого окраса, хитро, без звука забегала за мою спину и тайком пыталась напасть. Позже я узнал её кличку—Наташка-провокатор. Я схватил автомат за ствол двумя руками и стал отмахиваться им, как палкой. В панике я забыл, что у меня в руках оружие. Со стороны вся эта картина выглядела комично, но мне точно было не до смеха. И вот когда я совсем устал размахивать автоматом, вспомнил, что у меня в руках есть надёжное средство обороны. Я перехватил автомат, одним движением снял оружие с предохранителя, передёрнул рычаг затворной рамы и готов был пристрелить эту безумную свору. Услышав звук затвора, стая собак, как по мановению волшебной палочки, остановилась. Лай собак прекратился, псы успокоились и ретировались в свои будки...

Усталый, с чувством исполненного долга, я дошёл до своей землянки и, не снимая обмундирования, завалился на кровать и провалился в безмятежность. Проснулся оттого, что кто-то щекочет меня по носу. Я открыл левый глаз и увидел, как рядом с моей правой щекой на подушке сидит мышь и её хвост то и дело касается моего носа. Спросонья, не поверив своим глазам, я перевернулся на левый бок. Тут же моему взору предстала ещё одна мышь, которая спокойно располагалась на другой стороне подушки. Я пулей выскочил из постели, а сон как рукой сняло...

Глава десятая

К обеду снег растаял. На улице образовались грязь, слякоть и лужи. Небо—в плотных чёрных тучах. По полемому телефону из управления роты поступила команда: срочно всем не задействованным в несении службы солдатам прибыть в расположение

управления роты. Взвод сломя голову побежал к месту сбора. Усталый после ночного дежурства, я побрёл за ними. Выйдя за границу заставы, в луже я увидел пачку разбросанных афганских купюр, собрал все денежные знаки, которые видел в первый раз. Приближаясь к управлению, увидел и поднял ещё несколько сотенных бумажек. Для меня эта картина была неожиданной.

На построении роты объявили, что ночью в расположении второго взвода, на одном из наблюдательных постов, корова «не ответила» на пароль. Да, бывает такое. Корову выпустили из стойла, непредсказуемое животное по ошибке побрело в известном только ей направлении. Боец, стоящий на посту, в кромешной мгле услышал чьи-то шаги, окрикнул: «Стоя! Пароль?» Отзыва не последовало. На звук шагающего объекта в одно мгновение наблюдатель произвёл короткую очередь. Утром мирные жители кишлака Баймаласы не досчитались «Зорьки» в своём стойле. По мусульманскому обычаю, животному должны были перерезать горло и выпустить кровь, но так как животное пролежало до утра, этого никто не сделал. Дехкане принесли кормилицу на носилках к нам в управление роты и просили выкупить её у них. Мы через переводчика-таджика объяснили, что им самим необходимо было следить за «Зорькой» и не выпускать корову на прогулку в ночное время и что это их проблемы, а не наши заботы. На том и разошлись. Народ поднял носилки с животным и удалился восвояси...

Я подошёл к Арсалану, показал вымазанные в грязи афгани. На лице заместителя командира роты промелькнула едва заметная ухмылка.

— Наверное, бойцы испугались, что их будут шмонать, и избавились от пайсы (афганских денег),— тихим голосом, почти полущёпотом произнёс Арсалан.

— Откуда столько денег у бойцов?—переспросил я.

— Чуть позже всё расскажу и покажу,—ответил он.

— И что нам с этим богатством делать?—недоумевал я.

— Оставь пока себе до приезда ротного, потом решим, на что их использовать.

Такого поворота событий я не ожидал. Мы прошли по тропинке, ведущей к моей заставе, и подняли ещё несколько бумажек разного достоинства. Намётанный взгляд Арсалана увидел в грязи ещё и лепёшки чарса (афганский гашиш)... Нет, я, конечно, слышал, что в Афганистане этого добра хватает, но я не думал, что это всё безнадёжно рядом и что это явление когда-нибудь окажется близко ко мне...

Подойдя к заставе, мы построили личный состав взвода. Опытным взглядом Арсалан осмотрел бойцов и сразу определил, чьих рук это дело.

Арсалан отвёл меня в сторону и показал на командира отделения младшего сержанта Климова, он был родом из Фрунзе.

—Обрати на него внимание, сейчас не предпринимай резких движений, понаблюдай за младшим командиром,—посоветовал замкомроты...

Глава одиннадцатая

Почти все солдаты во взводе были одного призыва. Большинство военнослужащих отслужило не более полугода. Из всех бойцов моего взвода выделялись рядовые Саша Шапран из города Энергодар Запорожской области Украины, Мансур Рябиков из Тобольска, Миша Аспидов из Моздока, Игорь Карпюк из Тулы и Костя Чугуряну из Молдавии. Парни brave, три месяца перед Афганом проходили службу в учебном полку в Термезе, их готовили для службы в разведке.

Шапран—вылитый Рэмбо, с приятными чертами лица, широкой белозубой улыбкой, косая сажень в плечах, высокий и стройный запорожский казак. Мансур—застенчивый молодой человек, но в боевой работе—зверь. Миша—рубаха-парень, любитель пообщаться на разные темы, серьёзно занимающийся дзюдо. Костя—слегка в себе, немногословный, хозяйственный парень из молдавской деревни. Игорь—интеллектуал и борец за справедливость...

В дальнейшем все пятеро стали моей главной опорой во взводной жизни. Они хоть и самые младшие по призыву, но спуску никому не давали.

Под предлогом проведения комсомольского собрания взвода я собрал подчинённых в столовой. Саша Шапран был взводным комсоргом. Он начал собрание, я, как старший товарищ, выступил со вступительным словом.

Мне было важно вывести своих ребят на откровенный разговор. Я напомнил им, что в любой ситуации необходимо быть со своей совестью в ладу. Я говорил прописные истины: о том, что всех их ждут на родине близкие и родные люди; что для людей не придумали запасных частей; чтобы они поддерживали друг друга в самых трудных ситуациях и были как одна семья. Нам всем нужно было вернуться домой. Вот лейтмотив моего выступления. Кто-то сидел и смотрел стеклянным взглядом сквозь меня, но подавляющее большинство солдат мои слова задело за живое.

После моего вступительного слова комсорг встал во весь свой богатырский рост и стал резать правду-матку. Всё, что было сказано Шапраном, он сделал открыто и честно. Бойцы устали жить и служить под постоянным давлением старослужащих из других взводов, особенно первого. Те часто использовали моих солдат для выполнения «специфических» поручений. Мне и в голову не могло прийти, что в Афганистане была дедовщина. Я, наивный человек, не предполагал, что военнослужащие, объединённые одной большой и важной задачей, которая сопряжена с каждодневным

риском для жизни, могут по-свински относиться к младшим призывам. озлобленный своим униженным положением солдат способен выместить свою обиду в бою.

Речь шла и о младшем сержанте Сергее Климове. Худощавый, со впалыми щеками, небольшого роста, тщедушный и безобидный на вид, Климов был наркоманом со стажем. Судя по всему, попробовал и пристрастился к этой заразе он ещё на гражданке, в Киргизии. Взводные материальные ценности младший сержант тайком менял в ближайшем кишлаке на тяжёлые наркотики. Служивцев тоже не устраивала такая ситуация, поэтому мы вместе приняли решение помочь ему и попытаться избавиться его от пагубной привычки, полностью ограничив его контакты с местным населением. Не сразу, но это возымело свои плоды.

Глава двенадцатая

Однажды утром, выйдя из своей канцелярии, я увидел младшего сержанта Климова, лежащего на кровати и корчившегося от боли. Он не находил себе места. Его буквально выворачивало наизнанку. В тот момент я не мог предположить, что у Клима началась ломка. Я просто с этим никогда не сталкивался. Никто из подчинённых также не стал посвящать меня в премудрости и тонкости его состояния...

Я подошёл к командиру отделения и спросил его:—Сергей, что с тобой?

—Живот сильно болит,—скривив лицо от боли, ответил Климов.

—Собирайся, поедem в полковую медсанчасть. Надо только в управление роты сообщить...

Получив добро от ротного, я собрал сержанта, и мы отправились на БРДМ в отдельный файзабадский мотострелковый полк на приём к хирургу.

Без труда добравшись до полка, мы проследовали к модулю, где располагалась медсанчасть. Я оставил Климова в коридоре на кушетке и зашёл для предварительного разговора с доктором, в звании капитана.

Выслушав меня о симптомах моего подчинённого, капитан понял причину сильных болей в животе, и он попросил меня позвать пациента для осмотра к себе в кабинет. Выйдя в коридор, я не увидел своего сержанта. От злости я готов был разорвать его на части, если бы только он попался мне в эту минуту. На крыльце стояли солдаты и громко о чём-то разговаривали. Я спросил у них:—Бойцы, кто-нибудь видел младшего сержанта, невысокого роста, со светлыми волосами?

Солдаты посоветовали мне пройти за угол. А за углом щитового модуля стояла знакомая фигура младшего сержанта Сергея Климова, излучавшая радость от жизни и её прекрасного и светлого будущего...

— Товарищ младший сержант, ты почему вышел из коридора? — с нескрываемой ненавистью спросил я.

— Я воздухом подышать захотел, там душно, товарищ старший лейтенант, — выдыхая сигаретный дым и улыбаясь, ответил Климыч.

— Воздухом он дышит, мать твою! Пойдём к врачу, он тебя посмотрит.

— Может быть, не надо к врачу? Уже ничего не болит...

— Как не болит? Ты же несколько минут назад умирал, я уже в мыслях готовил текст скорбного письма твоим родителям.

— Всё прошло, мне уже лучше, ничего не болит.

— Не может быть. Ты же так изнывал от боли — я думал уже, всё, капец Климову...

— Поехали в роту, товарищ старший лейтенант, — растягивая слова, медленно проговорил Климов.

Я схватил сержанта за руку и потащил в кабинет к капитану.

Увидев нас, доктор растёкся в улыбке...

— Ну, как я и предполагал, старлей. Что, сержант, кто-то угостил тебя чарсом, и сразу отпустило? Когда ж ты успел?

— Никак нет, товарищ капитан, — с серьёзным видом, пытаясь соответствовать обстановке, ответил Климов.

— А ну-ка дай мне твои руки.

Климов расстегнул рукава хэбэшки и показал доктору вены на своих руках. Никаких следов от уколов не было.

— Снимай брюки и опускай трусы, — приказал капитан. — Смотри старлей, он у тебя ханкой увлекается.

В районе паха у сержанта образовались странные дорожки от уколов... Я ужаснулся от увиденного.

Значит, у него есть шприц, возможность и условия для приготовления наркотических инъекций на заставе. И все эти манипуляции происходили на глазах у всех подчинённых и с их молчаливого согласия? От этих предположений мне стало не по себе...

Климов не был физически сильным человеком, способным держать в страхе двадцать с лишним человек. Я предположил, что это — равнодушие и смирение перед сложившейся ситуацией, когда никому ничего не хотелось менять. Но ведь до меня во взводе были другие командиры. Неужели никто не замечал, что есть такой порок? Я и представить себе не мог, с какими сложностями мне придётся столкнуться...

— Понимаешь, сержант, — начал доктор, — Бог с тобой, ты потерянный для общества человек, и как ты будешь жить дальше, меня не интересует. Но ты же подводишь своего взводного. Он у тебя без году неделя в Афгане, толком ничего не знает про это зло и верит каждому твоему слову.

А верить наркоманам нельзя. Надо очень жёстко себя вести с такими, как ты. Надо бить по рукам и хлебальнику и привязывать к кровати. Пусть переломает, пусть лучше ты сдохнешь, чем будешь коптить эту землю и плодить себе подобных, а в случае, если выживешь, может, задумаешься, стоит ли ещё раз начинать. Ты понял, старлей?

Я кивнул головой в знак солидарности с врачом...

Капитан говорил эти слова Климову, но в большей степени они были обращены ко мне, потому что для сержанта в том состоянии, в котором он в ту минуту находился, слова доктора пролетали мимо ушей.

От неимоверного стыда за своего подчинённого я сидел и ёрзал на стуле. Мне и правда было невдомёк всё, что связано с наркотиками. В военном училище нас никто не учил подобным проблемам. Я впервые напрямую столкнулся с этим явлением только в Афганистане.

— И ещё, командир, это тебя касается и всех ваших отцов-командиров. Надо создать во взводе, в роте обстановку нетерпимости к наркотикам, чтобы был тотальный контроль за каждым человеком. Загружайте по полной программе свой личный состав, чтобы у них головки не раскачивались в разные стороны. Общайтесь с ними каждый день, напрягайте, чтобы от усталости у них ноги подкашивались и не было других мыслей, кроме одной: как бы поскорее лечь «у койку». Это, пожалуй, главное, а как там у тебя получится, могу только предполагать.

Капитан опустил голову и от безысходности махнул рукой... Легко сказать, тяжело осуществить...

Глава тринадцатая

Что было дальше с младшим сержантом Климовым? А дальше была каждодневная тяжёлая работа, итогом которой стали слова благодарности от Сергея Борисовича Климова, когда он убывал по окончании службы в Афганистане на Родину, в родной Фрунзе.

Во время прощания с дембелями весной 1987 года Сергей со слезами на глазах подошёл ко мне. Мы обнялись и долго стояли в таком положении. Он полушёпотом говорил, что благодаря мне и всем бойцам нашего взвода покончил с этой болезнью. Мне искренне хотелось в это верить...

По его взгляду я видел, что он не хотел уезжать домой. Здесь оставались настоящие друзья, которые в трудную минуту пришли на помощь, здесь оставались настоящие и доверительные отношения, скреплённые выполнением одной общей задачи — остаться живыми и вернуться домой.

Невооружённым взглядом было видно, как изменился Климов. Из суетливого и вечно замусоленного доходяги Климыч преобразился. Главное, изменился цвет кожи на лице, она стала

светло-золотистого оттенка, выпрямилась спина. Он ходил с высоко поднятой головой. Форма стала сидеть, а не висеть на его худенькой фигуре. Мне тоже было приятно наблюдать за этими изменениями и видеть своими глазами результат общей работы.

Мы почти каждый вечер, особенно когда он был дежурным по заставе, разговаривали с ним. Разговоры «за жизнь» заканчивались далеко за полночь. Беседовали на разные темы, больше о семье, о будущей послевоенной жизни. Я видел, с каким интересом он общается со мной. Я понимал, что ему на гражданке не хватало простого человеческого внимания.

Он с ранних лет был предоставлен самому себе. Родители с утра до позднего вечера работали на производстве. Отец сильно выпивал. Кроме Сергея, мать воспитывала двух его братьев и сестру. Двор и улица были главными учителями. В какой-то момент Климыч решил не отставать от своих сверстников и попробовал сначала «травку», потому что ею баловалось всё окружение. Потом подсел на тяжёлые наркотики. Проблем с тем, где достать это зелье, в Киргизии нет. Так юношеское любопытство стало большой головной болью для его родителей. Единственная надежда для родных — армия. Может, она, родимая, поможет что-то изменить в жизни их отпрыска и сделать из него человека. А тут Афган — хрен редьки не слаще...

Я всё время думал, как призывник Сергей Климов перед армией прошёл медицинскую комиссию... Потом вспомнил. Мне ж предлагали продолжить службу в районном военкомате вместо уволенных офицеров. Может быть, кто-то из них оставил на гражданке сына богатеньких и статусных родителей, а Серёгу Климова, с кучей забот, оправил служить с глаз долой, в Афганистан...

Мы расставались и оба понимали, что, возможно, больше никогда не увидимся, что будущее Сергея Климова зависит только от него самого. За полгода мы стали родными людьми. Где ты, сержант Сергей Борисович Климов???

Глава четырнадцатая

Служба постепенно набирала обороты. За пару недель я познакомился с обстановкой, изучил близлежащую местность. Я каждый день занимался с подчинёнными боевой подготовкой. Тренировал действия личного состава при различных нештатных ситуациях. Сам придумывал новые вводные для своих бойцов, и что-то они подсказывали мне, чтобы улучшить и отшлифовать до автоматизма действия по тревоге.

Большой частью обстрелы происходили в ночное время, и чтобы облегчить наведение пулемётов БТР в цель, в каждом бронетранспортёре в башне стрелка-наводчика пулемёта была приклеена огневая карточка, где были прописаны все его действия.

Во время занятий днём прицельная марка пулемёта была направлена точно на основной ориентир. Остальные ориентиры и возможные точки для обстрела были чётко выверены по количеству оборотов горизонтального и вертикального приводов наведения пулемётов относительно основного ориентира и записаны в огневую карточку. Поэтому, отработав действия по тревоге днём, ночью наводчикам пулемётов было легко выполнять мои команды, даже с закрытыми глазами.

Особое внимание уделялось организации связи и взаимодействию с другими взводами роты и вертолётчиками. Мы старались вести радиообмен, используя закодированные команды. Каждый член экипажа мог спокойно настроить радиостанцию, перейти на запасную частоту.

Ещё одним из главных принципов в боевой учёбе была задача научить главных специалистов взаимозаменяемости. Все члены экипажей бронетранспортёров научились выполнять смежные навыки. Даже простые стрелки, пулемётчики, снайперы и гранатомётчики спокойно могли заменить любого члена экипажа. Этот важный элемент боевой учёбы вызывал повышенный интерес и мотивацию у солдат к овладению новыми воинскими специальностями и навыками и сплачивал коллектив.

Водители бронетранспортёров (БТР-70), а их во взводе было три единицы и одна боевая разведывательная дозорная машина (БРДМ-2), ежедневно занимались обслуживанием машин. Техника стояла в оборудованных окопах, обложенная большими валунами. Один раз в неделю, установив очередность, мы выгоняли из капониров БТР и, проезжая около пяти километров, проверяли работу всех систем на ходу. В случае обнаружения неисправности это позволяло своевременно производить ремонтные работы.

Надо сказать, что в марте 1984 года, при вводе батальона в Афганистан, только техника первой роты нашего батальона прошла все испытания, от Хайратона до Файзабада.

При полёте караванов вертолётчиков к зоне ответственности нашей роты мы занимали огневые позиции и вели непрерывное наблюдение за окружающей местностью, пока караван не возьмёт обратный курс на Кундуз.

На двух постах наблюдения, которые были у меня во взводе, постоянно велись записи в журналы наблюдения обо всех передвижениях и изменениях в обстановке. Каждый день я проверял ведение этих журналов. Иногда, прочитав строки, которые записывали наблюдатели — выходцы из Средней Азии, можно было упасть от смеха. Вот один из таких перлов:

«17.12.1986 год, 15 часов 08 минут, из кишлак Баймаласи в кишлак Кури пробурбухала один бурбухайка марки „Индия“. На машинке и в кабинах бил 25 чилвек...» Перевод: «17.12.1986 года, 15 часов

08 минут, из кишлака Баймаласы, в кишлак Кури проехал грузовой автомобиль марки „Индия“. В автомобиле находилось 25 человек...»

Кроме всего прочего, каждый день мы совершенствовали свои огневые позиции и окопы в инженерном отношении и улучшали состояние своего жилища. Никого не нужно было заставлять выполнять трудную физическую работу. Все прекрасно понимали: всё, что мы делаем,—это во благо каждого в отдельности и для взвода и роты в целом.

Глава пятнадцатая

Незадолго до моего приезда, когда взводом командовал старший лейтенант Арсалан Гомбоев, застава почти полностью сгорела. Тепловая ловушка от вертолёта, выпущенная слишком низко над землёй, не успела полностью сгореть и попала на крышу землянки. Землянка сгорела за считанные минуты. Личный состав успел вынести оружие, носимый боекомплект и личные вещи. Не смогли сохранить оптические прицелы к гранатомётам, снайперским винтовкам и приборы ночного видения... Чудом никто в том пожаре не пострадал, но его отголоски ощущались сполна, потому что всё жилище нужно было оборудовать заново. Строительный материал в Афганистане был в большом дефиците, поэтому для обустройства нашей землянки приходилось различными способами находить каналы поставки всего необходимого.

Совместными усилиями мы привели свое жильё в нормальное состояние. Однажды ко мне подошла группа бойцов и показала «живой» клубок. Вначале я подумал, что это дождевые черви переплелись между собой, образовав клубок, еле умещающийся на ладони. Но когда я внимательно присмотрелся, то увидел еле заметные язычки, высовывающиеся из маленьких пастьев змей. Удивлению не было предела. Этот клубок солдаты раскопали рядом с землянкой, когда делали усиление стен, подсыпая их гравием. Значит, мама-змея нашла самое безопасное место и отложила яйца со своим потомством в непосредственной близости от людей. Я первый раз в жизни так близко увидел змей. Что с ними делать, я не знал. Поразмыслив, мы с бойцами пришли к общему мнению: до сей поры никаких неудобств змеиная семья нам не доставляла, поэтому решили оставить молодняк в покое и положили клубок на прежнее место.

Как показало время, это было правильное решение. Несмотря на то, что в дальнейшем мы иногда видели змей, больших хлопот они нам не принесли. Правда, был один эпизод, связанный со мной, о котором рассказывать на страницах этого дневника не совсем удобно...

В общем, во время отправления естественных надобностей кобра-мама, а может быть, один из её отпрысков, застала меня в интересном положении, расположившись напротив раскрытой двери

туалета, аккурат перед моим лицом, на расстоянии трёх метров. Змея раскачивалась в разные стороны и заставила меня оставаться в неподвижном состоянии весьма долгий промежуток времени... Тут уж не до героизма, однако...

Глава шестнадцатая

Серьёзным испытанием для вновь восстановленной землянки стало землетрясение, которое произошло в середине января 1987 года.

Поздно вечером я собрал в канцелярии сержантский состав для подведения итогов прошедшего дня и предварительной постановки задач на следующий день. После короткого совещания мы мирно беседовали, а командир отделения сержант Шевченко рассказывал смешную историю из своей довоенной жизни...

Вдруг откуда-то из-под земли послышался сильный гул. Все сидевшие в помещении сержанты переглянулись между собой, мы не понимали, что происходит. Моё тело пронзила нескрываемая дрожь. На лицах бойцов была заметна лёгкая паника. Через пару-тройку секунд я почувствовал, как пол начинает уходить из-под ног. В этот момент со стены с грохотом упала доска с взводной документацией. В распахнувшуюся дверь спального помещения я увидел, как с большой амплитудой раскачиваются двухъярусные кровати и с них кубарем падают мои бойцы. Раздался душераздирающий крик дежурного по взводу:

— Застава, подъём! В ружьё! Землетрясение!!!

Помимо всего прочего, в землянке отключилось освещение. Столпотворения не было. Имея в землянке два выхода, личный состав без паники в считанные секунды покинул помещение. На построении при беглом осмотре выяснилось, что никто из подчинённых не пострадал, все несущие конструкции — стены и крыша — остались на месте. Уже утром следующего дня обнаружили небольшие трещины, которые к обеду бойцы заделали глиняным раствором.

В фэйзабадском полку последствия были серьёзные. Там смертельные раны получили два солдата из боевого охранения, находившиеся, как и мы, в землянке. Их придавило перекрытием...

Через два дня в программе «Время», среди прочих новостей, диктор озвучил информацию о землетрясении в Таджикистане силой шесть с половиной баллов. Эпицентр землетрясения находился на территории Афганистана, рядом с городом Файзабад в провинции Бадахшан. Сила толчков в эпицентре составила около девяти баллов по шкале Рихтера. Позднее таких толчков было так много, что я просто перестал обращать на них внимание...

Глава семнадцатая

Спустя неделю после моего прибытия в роту, ночью, во время своего дежурства, я вновь проверял

посты нашей роты. Проходя по позициям первого взвода, я обнаружил, что на посту возле афганской пересылки фэйзабадского аэродрома два наблюдателя, откинув своё оружие в сторону, спят мертвецким сном. По установленному в таком случае чрезвычайному происшествию, я произвёл в воздух три коротких очереди из автомата. Бойцы на заставе должны были подняться по тревоге и прибыть на боевые позиции. Никакого движения со стороны заставы первого взвода не наблюдалось. Я проследовал в расположение первого взвода, спустился в землянку и увидел сидевшего за столом в полумраке, подсвеченном «летучей мышью», дежурного сержанта, который также спал, опустив свой лоб на стол, положив под него шапку-ушанку. Я разбудил дежурного и попросил поднять взвод по тревоге.

— Застава, в ружьё! — сонным голосом скомандовал сержант.

В ответ была тишина, и лишь кто-то из старослужащих, кого я не видел в темноте, буркнул нечленораздельную фразу:

— Эй, это икто там такой борзий? Сапсем ох...л, что ли?

Признаться честно, я впервые слышал такие слова в свой адрес. От этой наглости внутри всё закипело. Я не стал никого уговаривать:

— Взвод, слушай мою команду: если команда «В ружьё!» не будет выполнена на счёт «три», буди стрелять!

Вновь чьи-то уста выдавили непере译имый текст:

— Старлей, пошёл на...й отсюдава, ты ж ещё зелёный, как...й у крокодила. В Афгане кам-кам (чуть-чуть — фарси) служил. Иди ви свой землянка, пока тебя тут же не пристрелили и не закопали в туа...

Я не дал закончить свою тираду обнаглевшему подонку и короткой очередью над кроватями прервал монолог старослужащего солдата. Народ на кроватях не ожидал такой реакции и слегка напрягся. В ту же секунду из угла землянки выскочила громадная «горилла», которая скачками направилась в мою сторону. Я спокойно успел подняться из землянки на улицу. Встав напротив выхода, я увидел, как внизу показалась голова рядового Иноятова, руки которого нервно сжимали автомат. Выбежав со света в темноту, он не увидел меня. Я воспользовался внезапностью и приставил ствол своего автомата к его лбу.

— Ещё одно движение — и ты труп, — чуть слышно произнёс я. — Ты понял, боец?

Секундное замешательство, он быстро принял правильное решение и опустил оружие.

— Я всё понял, товарищ старший лэйтнант, всё, всё, товарищ старший лэйтнант, — заблеял рядовой Иноятов.

Что нужно было делать мне в такой ситуации? Спустить всё на тормозах и сделать вид, что ничего

не произошло? Уйти восвояси и остаться в глазах солдат и сержантов, хоть и не своего взвода, слабаком? Решения и действия были спонтанными, но, как оказалось в дальнейшем, единственно правильными.

Тогда, в целях воспитания коллективной ответственности, я вместе с первым взводом нашей роты провёл в окопах почти целый день. Солдаты и я принимали пищу в окопах, я проводил с ними душещипательные разговоры «за жизнь» и видел, как меняется их настроение.

Я рассказал о себе, когда и какое училище я закончил, где и сколько времени прослужил до Афганистана. Я рассказал, что у меня есть младший брат, такого же возраста, как большинство из военнослужащих нашей роты. И что все они для меня такие же солдаты, как мой брат. Мне было безразлично, что они сами думали о сложившейся ситуации. Ведь это не моя личная прихоть — проверить, как осуществляется служба в роте в ночное время, обнаружить, что на одном из постов нерадивые бойцы спят и затем посадить сослуживцев этих негодяев на весь день в окопы в качестве наказания. Они и сами понимали, что последствия такого отношения к несению службы могли быть плачевны — для них самих в первую очередь...

Ближе к концу светового дня, когда все, в том числе и я, продрогли насквозь от сырой и мерзкой погоды, ко мне подошли виновники «прекрасного времяпровождения на лоне природы» во главе с рядовым Иноятовым. В присутствии всего взвода они попросили прощения и заверили, что впредь ничего подобного больше не повторится.

До их дембеля оставалось несколько недель. Никто не хотел проблем перед встречей с родными...

Глава восемнадцатая

Ближе к Новому году из госпиталя вернулись все вылечившиеся офицеры. Я познакомился со своим ротным Сергеем Ефимкиным и командиром первого взвода лейтенантом Артуром Егизаряном. Сергей был сухим, можно сказать — худощавым, с острым кадыком, двадцатичетырёхлетним молодым человеком, с зычным командирским голосом, заряжающим своей неумной энергией. Поначалу я чувствовал его настороженность по отношению ко мне, но через некоторое время он увидел, каким стал мой третий взвод. Он видел моё отношение к службе. Может быть, до него дошла история с дембелями первого взвода.

Большим плюсом было то, что я быстро освоился с окружающей действительностью. В течение нескольких дней я написал пару-тройку текстов и положил их на мелодии известных песен. При случае я исполнил их в нашей офицерской столовой. Незамысловатые, в шутилой форме, тексты песен-переделок создавали неформальную

атмосферу. Это приветствовалось в армейской среде. В дальнейшем я написал цикл таких песен-переделок, стихов и даже поэму... Мы не зацикливались только на службе, у нас была своя, особая армейская жизнь. Общими усилиями мы вместе раскрашивали суровую действительность новыми красками...

Глава девятнадцатая

За неделю до празднования Нового, 1987 года Сергей предложил съездить в Файзабад. Благо в нашем распоряжении были найденные мною афганские деньги, которые я решил сдать ротному, когда тот приехал из госпиталя.

Ранним утром, когда солнце не успело показать свои первые лучи из-за гор, мы вдвоем с ротным и ещё парой солдат, в полном снаряжении, сели по-боевому в БРДМ-2 и поехали в город. Проезжая мимо кишлака Кури, я отчётливо услышал, что в борт БРДМ кинули горсть камней. Как оказалось позже, это была автоматная очередь, которая оставила на броне недвусмысленные следы...

Дорога пролегла вдоль горной речки Кокча. По правую сторону узкой колеи свисала отвесная скала, которая местами едва не задевала за броню. На некоторых участках дороги практически невозможно было развехаться с впереди идущими гужевыми повозками и уж тем более с «барбухайками» (афганским грузовым автомобильным транспортом).

Мы въехали в Файзабад, по мосту переехали через Кокчу, повернули налево и оказались на главной торговой улице города. Дуканы представляли собой старые деревянные полуразвалившиеся торговые лавки, на дверцах которых и внутри в хаотичном порядке был выложен товар, от изобилия и ярких красок которого разбегались глаза. Солдаты заняли оборону. Мне нужно было закупить для взвода мыльно-пузырные принадлежности, белую ткань для подворотничков и ручки с цветной пастой. Конечно, мне хотелось приобрести что-то и для себя. На прилавке я увидел японские часы разных марок. Мы подошли к дуканщику Ибрагиму, который позиционировал себя как дукандор, у которого есть всё, что необходимо покупателю. Я спросил у него часы с синим циферблатом, на что авторитетный торговец ответил по-русски:

— Уважаемый, в Файзабаде нет.

Сие означало, что если у Ибрагима нет, то и во всём Файзабаде таких часов с синим циферблатом нет... Мы одобрительно переглянулись с Сергеем, услышав такой довод. Я выбрал себе «Ricoh Automatic». Ибрагим оценил мой выбор. Он подкурил сигарету, приставил её огонёк к часам, показывая, что это настоящий хрусталь, а не какой-нибудь пластик, и предложил положить часы под колёса бронемашин, на что получил категорический отказ со стороны ротного.

Возвращаясь обратным маршрутом, на левом берегу реки, в центре Файзабада, Сергей показал на три одиноко стоящих высоких хвойных дерева. Метров десять на стволе дерева не было ни одного сучка и веток. Вся крона располагалась на макушке. — Надо, чтобы к Новому году одна ёлка была у нас в роте, — вслух поделился своими мыслями ротный. Сказано — сделано...

Глава двадцатая

Мы тщательно разработали план операции по захвату ёлки и через два дня снова были в Файзабаде. Во время утреннего намаза и омовения, по всем законам военного искусства, выставили группу прикрытия, организовали группы захвата и обеспечения. Самый ловкий и цепкий, Игорь Карпюк, в одно мгновение забрался на макушку дерева, быстро отпил кончик ёлки высотой около полутора метров, оставив большую часть кроны нетронутой, скинул его вниз. Саня Шапран с Мансуром Рябиковым перевязали ёлку простынёй и поместили зелёную красавицу в люк командирского бронетранспортёра с замазанными номерами. Вся «операция» длилась немногим более двух-трёх минут. Мы спокойно выехали из города и вздохнули полной грудью. У нас в первой роте, одна на весь Бадахшан, была своя настоящая ёлка!!!

Теперь её необходимо было нарядить. Игрушек нет, гирлянд нет, мишуры тем более нет. Как известно, из каждой безвыходной ситуации есть как минимум два выхода...

Из зипа бронетранспортёров мы собрали лампочки, спаяли их последовательно в гирлянду, рассчитав необходимое количество штук. Затем цветной пастой из стержней для авторучек украсили их. Мишуру, тонкими полосками серебристого цвета, нарезали из полиэтиленовых пакетов для трупов. Игрушки сделали солдаты из подручных материалов.

К встрече Нового, 1987 года первая рота готова!!!

Глава двадцать первая

Наш старшина, Игорь Богданович Кузив, выходец из Западной Украины, небольшого роста и плотного телосложения, слегка лысоватый прапорщик, тоже готовился к праздничному мероприятию. Имея такого старшину, профессионала с большой буквы, бойцы нашей роты и мы, офицеры, никогда не испытывали проблем с обеспечением всеми видами довольствия. Надо отдать должное пробивной способности Богданыча. У нас частенько в роте имелись дефицитные продукты питания, которые не всегда были на столе у командира файзабадского отдельного полка. Игорь Богданович встречал вертолётные караваны с грузом из Кундуза и первым узнавал, что сегодня привезли в наш гарнизон. Как-то раз поступила свежемороженая

красная рыба. Практически вся без остатка она оказалась у нас на складе. Богданыч засолил её в дубовом бочонке и на протяжении трёх месяцев кормил нас этим деликатесом по утрам. На всех складах гарнизона служили его земляки, славные представители украинского народа. Имея разветвлённую сеть поставщиков, Игорь Богданыч щедро расплачивался с ними установленной в Афганистане «валютой» — самогоном. А самогон у Богданыча был знатный, после употребления которого не было никаких последствий изменённого сознания, потому что, как он сам выражался: «У меня мэдь...» — так как самогонный аппарат сделан из медных трубок, которые не окисляются. И ещё он использовал активированный уголь для фильтрации произведённой продукции.

Праздник вдали от родных, да ещё в такой непривычной обстановке, в мужском коллективе, — это особый случай. Вечером на построении ротный поздравил всех военнослужащих, приказав всем нам вернуться живыми домой! Силами поваров был приготовлен праздничный ужин, главными деликатесами которого были пельмени и вареники. Фарш для пельменей представлял собой прокрученную через мясорубку тушёнку с обжаренным луком.

Глава двадцать вторая

В каждом взводе солдаты скидывались деньгами и закупали сладости и другие вкусные штучки в местном магазине военторга. В основном это были продукты югославского производства.

Отличительной особенностью праздничных мероприятий было приготовление большого торта на весь взвод, который едва умещался на столе. Покупалось несколько коробок югославского печенья, которое замачивалось в каком-нибудь соке или SiSi (газированный аналог фанты). Часть сухого печенья измельчалась до однородной массы, в него вмешивалось сгущённое молоко. Это был крем для промазки слоёв вымоченного в соке печенья. Затем всё это вкусное безумие соединялось, и последний верхний слой заливался варёной сгущёнкой. Ягодами из компота выкладывалось поздравительное приветствие...

Новый год встречали несколько раз, по числу часовых поясов большой страны, откуда приехали офицеры и прапорщики нашей роты. Первым был Арсалан Гомбоев — он из Читы, потом я из Красноярского края, дальше замполит роты из Новосибирска. По местному времени праздник отмечала вся рота. По московскому времени отмечали все остальные ребята из западной части нашей необъятной Родины...

С боем Кремлёвских курантов небо над аэродромом и горными заставами Бадахшана расцветало от трассирующих пуль, сигнальных и осветительных ракет. Автоматными очередями

дембеля выписывали в небе воображаемый «ДЕМБЕЛЬ-1987!!!».

Встретив долгожданный праздник, я, как самый «молодой» в нашей роте в Афганистане взводный, пошёл проверять посты наблюдения, заодно ещё раз поздравить всех, кто находился на службе.

Зайдя на заставу первой роты, я увидел Айдаара Иноятова. Он подошёл ко мне, в почтении склонил голову, сложил мои руки в свои и произнёс важные для него и меня слова:

— То, что произошло между нами, послужило для меня хорошим уроком, который я буду помнить всю жизнь. Я уважаю вас как мужика и как офицера. На вашем месте я поступил бы точно так же...

Я молча положил ему руку на плечо и ответил: — Ягши, ягши (хорошо, хорошо)... Всё будет хорошо...

Глава двадцать третья

Первого января 1987 года, после утреннего развода и разбора ночных праздничных «полётов» (несения ночного дежурства), офицеры и прапорщики роты собрались в офицерской столовой. Иллюминация сверкала огнями, приятная обстановка способствовала лёгкой расслабленности после моего ночного дежурства.

По телевизору шёл репортаж хоккейного матча из Канады. Мы мирно обсуждали перипетии происходящего в хоккейной коробке, как вдруг недалеко от нас раздался взрыв. Наблюдатель забегал в столовую и сбивчивым голосом сказал, что рядом со сбитым несколько лет назад афганским Ан-26 увидел чёрный дым от гранаты...

Все сидевшие в столовой офицеры и прапорщики вышли на улицу и поднялись на землянку продуктового склада, чтобы оценить произошедшее. Тут же прозвучал ещё один взрыв, чёрный дым от которого могли видеть уже и мы.

Сергей, Арсалан и я вскочили на бронетранспортёр и поехали туда, где прогремел взрыв. Подъезжая к предполагаемому месту взрыва, метрах в ста пятидесяти от самолёта увидели толпу офицеров и прапорщиков отдельной вертолётной эскадрильи. Мы остановились у самолёта. Рядом с ним стоял офицер, руки которого были скрыты зимним офицерским бушлатом. На лице лейтенанта красовались сизо-жёлтые разводы и ссадины. Белёсые волосики усов торчали в разные стороны. Внешний облик вертолётчика был несвеж и слегка потрёпан. На вид ему было не больше двадцати трёх лет.

Мы спрыгнули с бронетранспортёра и подошли к виновнику чрезвычайного происшествия. Из толпы вертолётчиков отделились две фигуры: это были заместитель командира 181-го отдельного вертолётного полка подполковник Ильдуз Минабаевич Халитов, который командовал сводным отрядом вертолётчиков в Файзабаде, со своим

заместителем. Наш ротный Сергей Ефимкин жестом, не терпящим возражений, остановил приближающихся офицеров.

— Что случилось? — спросил Сергей у летуна.

В ответ не последовало никаких намёков на диалог.

Вертолётчик стоял, насупившись, закрыв свой рот тонкими губами.

— Родной, давай будем говорить, — терпеливо не унимался ротный.

— Первый, второй, третий, я четвёртый, ахтунг, взлетаем, — указывая пальцем, посчитал нас и себя вертолётчик.

Каждый из нас троих подумал, что эта фраза, озвученная офицером, имеет отношение к пилотскому сленгу и означает одновременный взлёт группы вертолётчиков... В этот момент кто-то из толпы крикнул, что у него в карманах может быть граната. На обледенелой кромке лужи я заметил кольцо с согнутыми усиками предохранительной чеки и взглядом показал ротному. Такого поворота событий мы явно не ожидали. Судя по тону произнесённой фразы стоящего перед нами человека, вертолётчик намеревался сиюминутно исполнить озвученную им «команду». Нужно было немедленно что-то сделать, чтобы вывести его из оцепенения и предотвратить надвигающуюся угрозу. Счёт шёл на секунды.

— Слышь, брат, как тебя зовут? Меня Арсалан, — вступил в диалог замкомроты.

— Коля, — через затянувшуюся паузу ответил офицер.

— Что случилось, Николай? — спокойным тоном продолжил Арс.

— Да ничего. Сука она... — процедил сквозь зубы Коля.

— Кто сука? — подхватил Серёга.

— Да эта шалава, Верка, — выдал из себя Николай.

Из несвязного монолога вертолётчика стала проясняться картина произошедшего накануне события. Оказалось, что во время празднования Нового года официантка отдельной вертолётной эскадрильи Вера Носкова явилась яблоком раздора и конфликта среди офицеров.

— Ну и что? Давай сейчас всех разобмим, и нас всех четверых увезут в цинках на Родину. Маме с папой лучше сделаешь? Они тебя и нас троих живыми ждут домой, а мы тут в цинке нарисовались... — начал партийно-воспитательную работу я.

— Где граната? — перехватил инициативу ротный.

— Здесь... — слезливым взглядом указал на правый карман, на спрятанную от посторонних глаз гранату, летун.

Горе-вертолётчик и сам уже решил закончить своё шоу, поэтому выторговывал у нас привилегию — не причинять ему физическую боль. Мы

заверили его в полной неприкосновенности и приступили к изъятию руки с гранатой из кармана.

Арсалан взял Колину руку, вытащил её из кармана бушлата, и мы увидели синий от напряжения кулак, в котором, как в клещах, была зажата граната Ф-1.

— Давай осторожно, по пальчику, по пальчику, разжимай... — тихим голосом произнёс Серёга.

Вертолётчик с помощью ротного начал по очереди разжимать пальцы на гранате. Арсалан стал удерживать рычаг гранаты. А я — разговорами отвлекать Колю...

Наконец граната оказалась в руках у Арсалана. Он отошёл с ней метров десять в сторону и бросил в глубокую траншею. Гулкий взрыв эхом раскатился среди гор... Хотелось тут же вмазать этому сморчку, но обещанная неприкосновенность не позволила выплеснуть накопившуюся злобу...

К нам подбежали командир отряда со своим заместителем и ещё несколькими офицерами эскадрильи. Мы гарантировали Николаю полную неприкосновенность и попросили офицеров не применять к нему репрессивных мер. Несмотря на наши уговоры, вертолётчики скрутили Колины руки и увели в казарму.

Подполковник поблагодарил нас за содействие в нейтрализации лжетеррориста и рассказал предысторию того, что случилось ранним утром. Наши предположения подтвердились.

Во время празднования Нового года Николай проявил к Вере Носковой недвусмысленные знаки внимания. Женщина, ровесница Колиной матери, улыбалась всем присутствующим мужчинам. Молодой «Казанова» под воздействием алкоголя ошибочно предположил, что Верина лучезарная улыбка предназначалась исключительно для него, и предложил женщине уединиться с ним в укромном месте, но у женщины были другие планы и предпочтения на этот новогодний вечер. В конечном счёте, Николай получил от Вериных воздыхателей по полной программе, обиделся и решил выместить свою обиду на сослуживцах, устроив охоту с гранатой на тех, от кого «выхватил» накануне.

Никто точно не подсчитывал, сколько представительниц прекрасной половины человечества приходилось на одну тысячу молодых, здоровых, сильных и отважных мужиков в Афганистане. Думаю, немного. Оттого, в силу различных причин, возникали подобные ситуации в воинских гарнизонах Ограниченного контингента.

Через два дня лейтенанта отправили в Союз. Так бесславно закончилось выполнение интернационального долга в Республике Афганистан для боевого вертолётчика отдельной фаязабадской вертолётной эскадрильи...

Глава двадцать четвёртая

После инцидента с горе-возлюбленным вертолётчиком, благодаря подполковнику Халитову и нашему ротному старшему лейтенанту Сергею Ефимкину, между командованиями наших подразделений завязались приятельские отношения.

Каждый день своими глазами мы видели боевую работу вертолётчиков. Это поистине адский труд, сопряжённый с огромным риском для жизни. Прогрев двигателей начинался в пять часов утра. Вертолётчики проходили медицинский осмотр, уточняли и корректировали задачи на день полётов. Затем осуществлялась загрузка необходимых грузов и групп военнослужащих 860-го отдельного мотострелкового полка для доставки на точки всего необходимого для выполнения боевой задачи, начиная от боеприпасов, продовольствия и воды, заканчивая углём и дизельным топливом. Во время боевых операций вертолётчики осуществляли огневую поддержку наземных подразделений.

Запомнился эпизод, когда четыре «вертушки» Ми-24 на наших глазах «обрабатывали» близлежащий кишлак, становясь в так называемую «карусель», по очереди заходя на цель и выпуская на неё огненный шквал из своего вооружения. За день вертолётчики производили до сорока вертолётных вылетов. Тяжёлая мужская работа оказывала негативное психологическое и физическое воздействие на организм вертолётчиков, поэтому, в отличие от остальных военнослужащих Ограниченного контингента, они служили по году и заменялись в Союз.

В редкие минуты отдыха вертолётчики приглашали нас на волейбольные баталии и на просмотр кинофильмов на открытой площадке в вечернее время. На территории эскадрильи находился магазин военторга, в который до установления неформальных отношений между командованиями соседствующих подразделений наших солдат старались не пускать. Простые вертолётчики, члены экипажей, ревностно относились к посещениям якобы «своей» торговой точки, думая, что наши солдаты скупают весь магазин.

Двадцать третьего февраля Сергей пригласил командира сводного отряда с заместителем отпраздновать профессиональный праздник — День Советской армии и Военно-морского флота, а заодно и свой день рождения. Кроме вертолётчиков, на праздничные мероприятия приехали заместитель командира 860-го отдельного мотострелкового полка майор Ториханов, командир группы ГРУ в провинции Бадахшан капитан Мамедов Алиджан и другие высокопоставленные ответственные товарищи.

Мы заранее готовились к этому событию. Каждый взвод подготовил свою программу. После праздничного построения рота выдвинулась к футбольному полю, на котором и происходили наши показательные выступления.

Первый взвод подготовил программу одиночной строевой подготовки в составе мотострелкового взвода. Подчинённые Артура Егиазаряна показали приёмы обращения с оружием. Второй взвод показал эвакуацию раненых с поля боя различными способами. Мой третий взвод выполнил базовые комплексы рукопашного боя в составе двадцати человек и показывал приёмы самообороны.

Завершающим аккордом было исполнение нашей ротой строевой песни — «День Победы» Давида Тухманова, которую разложили на два голоса. Единственным негативным моментом была пасмурная, дождливая погода, но и она не омрачила праздник, удавшийся на славу.

Всё мероприятие прошло торжественно и динамично, без каких-либо заминок. Приглашённые гости были в восторге. Особую благодарность высказал майор Ториханов. Он удивился выучке наших солдат и выразил надежду на возможность передачи этого опыта своим подчинённым. Впоследствии мы участвовали в аналогичных мероприятиях на стрельбище отдельного мотострелкового полка, почётными гостями которого были приглашённые офицеры афганской армии.

По завершении наших выступлений Сергей пригласил гостей в здание строящейся бани, которое трансформировалась в столовую, на званый ужин. Такие мероприятия, особенно в непривычной обстановке, сближают людей. Два офицера нашей роты, Арсалан и я, контролировали ситуацию и не позволяли себе лишнего, потому что, несмотря на праздники, в подразделении должны оставаться адекватные командиры, способные принимать правильные решения. Это было непреложным правилом нашей роты.

Спустя час после начала ужина, с разрешения виновника торжества, командир эскадрильи отдал команду своему заму пригласить двух продавщиц магазина и разбавить мужской коллектив женским присутствием. Через полчаса за нашим столом сидели две представительницы прекрасной половины: Галина, выше среднего роста и плотного телосложения женщина, настоящая кубанская казачка, и Надежда, примерно такой же наружности, средних лет женщина. Галя под села к Ильдусу Минибаевичу, а Надя — к его заместителю. Обе вели себя достойно и были приветливы настолько, насколько позволяла незнакомая компания. С приходом женщин мужская половина преобразилась: было заметно, как в два раза красноречивее стали произноситься тосты и как каждый из присутствующих хотел рассказать более смешной анекдот или историю, чем предыдущий оратор. Все мужики хотели обратить на себя внимание, но приоритеты были расставлены тогда, когда дамы расселись по своим местам, и все попытки каким-либо образом поменять устоявшийся

порядок разбивались о равнодушные взгляды продавщиц. В конце ужина Сергей попросил меня спеть пару песен-переделок под гитару, я с удовольствием сделал это. После выступления, попрощавшись с гостями, со спокойным сердцем я отправился к себе на заставу для подготовки к ночному дежурству.

Глава двадцать пятая

После очередного ночного обхода я отдыхал у себя в комнате, писал письма на Родину, вкладывая в каждый конверт фотокарточку популярной актрисы из Болливуда. В этот раз это была индийская актриса Пунам Дхилон.

Мой замкомвзвода старший сержант Рахмонов готовился отметить свой день рождения. С этой целью он отправился в магазин, чтобы закупить необходимые сладости к праздничному столу. Через полчаса Рахмонов пришёл на заставу с пустыми коробками и запиской от казачки Галины Владимировны в мой адрес. Галя отказалась продавать печенье и соки в больших количествах, а в записке написала: «Товарищ старший лейтенант, не хотели бы вы прийти в магазин и лично попросить у меня за своих подчинённых?» Я понимал, что это был повод для завязывания неких более близких отношений, но в мои планы не входило тесное знакомство с этой женщиной. Она была на несколько лет старше меня, к тому же все знали, что Галя имеет отношения с высокопоставленным руководством.

Под жалостливым взглядом сержанта я нашёл в себе силы и сходил в магазин. При моём появлении Галя расплылась в улыбке. Мы поздоровались. С каменным лицом я попросил Галину Владимировну продать пару коробок печенья и далее по списку, на что продавщица неожиданно заявила моим бойцам:

— А не слабо купить своему командиру кроссовки?
— Не слабо, — ответил Рахмонов.

Он обвёл взглядом прилавков и полки на стене. На прилавке стояли серые кроссовки «Puma» на липучках и ещё какая-то импортная обувь. В ответ на Галино обращение сержант предложил ей выбрать для себя любой подарок. Галина не ожидала такого поворота событий и без паузы указала на пару красных, на высоком каблучке, австрийских туфель... Сержант молча заплатил за обувь. По выражению Галиного лица было видно: она в шоке от широкого жеста сержанта, — и быстро убрала туфли с полки. От кроссовок я отказался, потому что это был перебор...

На обеде в офицерской столовой я рассказал Сергею и Арсалану историю, случившуюся со мной в магазине. Все одобрительно посмеялись и высказали претензию в мой адрес о том, что нельзя упускать благоприятную возможность иметь взаимовыгодные партнёрские отношения

с представительницами торговой организации на территории вертолётной эскадрильи. Ротный почти в приказном порядке призвал меня буквально броситься под танки ради возможности беспрепятственно покупать в магазине товары. Зная способности Сергея, я предложил ему самому поступить подобным образом. Серёга ответил, что у него нет шансов, в отличие от меня. Но я-то знал: он лукавил...

Глава двадцать шестая

В конце марта 1987 года к нам в роту прибыл офицер Управления службы войск Генерального штаба ВС Советского Союза с проверкой. Для чего прибыл сей «хруст», до сих пор не могу понять, хотя...

В новом камуфлированном обмундировании, чисто выбритый, за три метра пахнувший дорогим одеколоном, полковник слегка диссонировал с окружающей действительностью. Тем более что и ростом он тоже не был обижен.

На построении роты он подошёл к каждому офицеру и, кроме всего прочего, спросил: — Товарищи офицеры, какие училища вы заканчивали?

— Бакинское, Дальневосточное, Омское, Ленинградское, Орджоникидзевское...

Судя по выражению его лица, мы являлись представителями не того училища, которое заканчивал полковник. Поэтому после наших ответов он слегка охладел к нам. В дальнейшем мои предположения оказались правильными. Он был выпускником Московского воку. А представителей этого учебного заведения в нашей роте в данное время не было...

Появление проверяющего не стало для нас стихийным бедствием, так как к этому моменту рота соответствовала всем требованиям боевой подготовки и являлась сплочённым и обученным подразделением.

Полковник днём проехал на бронетранспортёре все заставы нашей роты и остался доволен, как устроен быт личного состава подразделения. На все поставленные в ходе проверки вопросы он получил грамотные ответы. Также он остался доволен действиями наших бойцов и офицеров при объявлении боевой тревоги.

— Ну что сказать, ротный, — обратился он к старшему лейтенанту Ефимкину, — буду ходатайствовать перед командованием о поощрении твоих подчинённых, можешь составлять список и награждать представления.

Ротный от таких слов смутился и понимал, что это лишь слова, которые ни к чему никого не обязывали, но был горд услышать лестный отзыв в адрес нашей роты. Это был большой совместный труд, который по достоинству и без всяких прикрас оценил вышестоящий проверяющий.

Вечером на совместном ужине в офицерской столовой состоялась непринуждённая, можно сказать, дружеская беседа. Проверяющий рассказывал весёлые армейские байки и новые, привезённые из Союза, анекдоты. Запомнился анекдот про девочку...

«В семье росла маленькая слепая девочка, которой казалось, что её всегда все обижают и обманывают с едой.

Родители пришли к психотерапевту, объяснили ситуацию и попросили о помощи. Врач спросил у родителей:

— Что девочка любит больше всего?

— Пельмени, — ответил отец.

— Тогда навалите ей с горкой, пусть попробует и наестся, сколько ей захочется, — посоветовал доктор.

Родители так и сделали: наварили кастрюлю пельменей, наложили ей с горкой и наблюдают следующую картину...

Подняв голову к потолку, девочка ладонями ощупала полную горку пельменей в тарелке и произнесла:

— Ну, я представляю, сколько вы себе навалили...»

Представив эту картину, мы все от души посмеялись.

Полковник, который был старше любого из нас и годился нам в отцы, попросил обращаться к нему по имени и отчеству, без воинского звания и на «ты». Для всех нас такая ситуация оказалась неожиданной и непривычной. Ведь Устав ещё никто не отменял. Поэтому лично я старался не вступать в разговор, дабы не нарушать узаконенную старшим офицером субординацию. Думаю, и у остальных офицеров и прапорщиков было такое же состояние. По этой причине командиры взводов, быстро поужинав, ушли в свои расположения. Сергей кивком головы показал на гитару. Я без слов понял намёк, и за чашкой чаю состоялся небольшой импровизированный концерт. Прослушав пару песен, полковник одобрительно покачал головой и попросил, чтобы я на память о встрече в Файзабаде записал на кассету свои «произведения», что я сделал в очередной раз.

Мы все немного расслабились, а проверяющий неожиданно решил, как говорится, в деле проверить несение службы нашими бойцами.

— Ну что, «композитор», пойдём на твою заставу, посмотрим, как твои орлы службу несут.

На проверку мы отправились вдвоём с полковником, в сопровождении сержанта из управления роты. Накрапывал мелкий дождь, создавая для нас дополнительные трудности. В кромешной мгле мы шли по тропе, ведущей к моей заставе. Полковник то и дело спотыкался о камни, не произнося ни слова.

Наконец нас встретил окрик дежурного, я ответил установленным отзывом, и мы прошли

в землянку. Личный состав, не задействованный в несении службы, отдыхал. В буржуйке потребскивал уголёк, на стене светила лампа дежурного освещения. Было по-домашнему тепло и уютно, за исключением запахов, исходивших от потянок.

Сделав небольшую передышку, мы отправились на посты моего взвода. Морозящий дождь усилился. На скользкой дорожке проверяющий постоянно оступался и едва не падал на землю. Когда прошли метров триста, нас остановил протяжный голос младшего сержанта Лягуши:

— Стой! Пароль?

— «Автомат», — ответил я.

— «Тула», — последовал отзыв.

— «Четыре», — продублировал пароль наблюдатель.

— «Восемь», — сделав несложные арифметические вычисления, ответил я.

Это означало, что на момент проверки в подразделении установлен пароль «Автомат», отзывом должен быть город на последнюю букву пароля — «Тула». Для дополнительной проверки устанавливалось число. На сегодня это было «двенадцать», то есть в сумме названные наблюдателем и мною числа должны соответствовать этому значению.

Полковник стоял рядом и спокойно наблюдал за происходящим. Затем он подошёл к сержанту и спросил:

— Сынок, не страшно тебе тут посреди ночи стоять?

— Страшно, товарищ полковник, — ответил Володя Лягуша, — но я не один, со мной рядовой Карпюк, вдвоём веселее...

Во время беседы Игорь Карпюк наблюдал за местностью, на которой реально трудно было что-то рассмотреть. Тем не менее бойцы привыкли к такому состоянию.

— Смотрите не расхочитесь, — прервал благостное состояние я, — а то можно напомнить одну интересную историю...

...Вскоре после Нового, 1987 года рядовой Игорь Карпюк и сержант Лягуша заступили в ночное дежурство на десятый пост недалеко от КПП. Тишина, в паре шагов ничего не видно. И вдруг со стороны КПП послышался шорох. Шорох стал приближаться к посту... Рядовой Карпюк, как учили, прокричал: «Стой! Пароль? Стой, стрелять буду!!!» Тишина... Сержант Лягуша передёрнул затворную раму автомата и приказал Карпюку прикрывать его. Игорь быстро занял огневую позицию за бронетранспортёром. Тёмное пятно неумолимо сокращало расстояние до места, где находились бойцы. И тогда случилось то, отчего у солдат волосы встали дыбом. Лягуша произвёл одиночный выстрел, затем перевёл оружие в автоматический режим и открыл огонь на поражение. Все пули попадали в цель, а трассера отскакивали от «шороха», как от стенки горох... В голову лезли нехорошие мысли. Рядовой Карпюк подумал, что

это «дүхи», прикрываясь броневым щитом, шли в их сторону, и уже мысленно после отражения нападения представлял себя с медалью на груди. Сержант Лягуша пошёл в яростную атаку... Каково же было всеобщее разочарование, когда они увидели вместо «дүхов» бездыханное тело осла из соседнего кишлака. Утром на разводе все смеялись над моими бойцами...

...До второго поста необходимо было пройти ещё метров сто, и мы спокойным шагом отправились к нему. Тропинка пролегла рядом с зарослями высокого тростника, и нам необходимо было преодолеть небольшой ручеёк, образовавшийся после продолжительных дождей.

— Как же вы тут каждую ночь ходите? Тут же «дүхи» могут засаду устроить, как два пальца об асфальт, — недоумевал полковник.

— Привыкли уже, товарищ полковник, для нас это рутинная работа, — шёпотом ответил я.

Полковник шёл за мной след в след. Я, зная каждый сантиметр пути, спокойно преодолел водную преграду, а проверяющий, запутавшись в собственных ногах, как подкошенный рухнул в ручей, выругавшись что есть мочи матом... Сержант, шедший сзади, подхватил неуклюжего офицера и вытащил из грязи...

— Мать твою итить... старлей, разворачивай оглобли, пойдём назад...

Полковник не выдержал напряжения проверкой постов, и мы вернулись в тёплое помещение столовой, где нас уже ждал накрытый стол... Старшина передел проверяющего в чистое бельё и солдатское обмундирование.

Подняв до краёв наполненный самогоном гранёный стакан, полковник, полный великодушного расположения ко всем военнослужащим нашей роты, произнёс тост:

— Мужики, вы не представляете, в каких условиях вы служите, вас всех надо награждать боевыми наградами! Хочу поднять этот бокал за вас! На таких офицерах и прапорщиках держится армия! Я обязательно сделаю всё, чтобы вас наградили!

Выпив залпом стакан самогона, офицер вышел из столовой и отправился отдыхать.

С утра распогодилось, и к обеду над аэродромом появился караван вертолётов из Кундуза, на котором с нашим «наградным списком» улетел наш проверяющий...

Результат проверки слегка удивил нас. Через несколько месяцев мы узнали, что за эту «командировку» полковника наградили орденом Боевого Красного Знамени. А мы продолжили нести свою службу...

Глава двадцать седьмая

В начале апреля 1987 года к нам прилетели командир батальона капитан Перевозчиков С. Г. с начальником службы артиллерийских вооружений

батальона старшим лейтенантом Афониним В. Я узнал, что Сергей Ефимкин и Сергей Геннадьевич Перевозчиков до Афганистана служили в одном батальоне прославленной гвардейской Кантемировской танковой дивизии. Капитан Перевозчиков был ротным, а Сергей — командиром взвода. Потом оба получили повышение по службе. Комбат первым прибыл в Афган, Сергей приехал чуть позже. Бывают в армии и такие совпадения...

В армейской среде есть выражение: «Строевая — два, огневая — два, ужин — хорошо, общая оценка — хорошо». Но к нам это выражение не относилось. У нас действительно не было серьёзных замечаний. Везде были порядок и дисциплина. Начиная от каждого солдата до офицера, все знали свои задачи и чётко их выполняли. Весь ротный механизм работал как часы. За короткий срок мы привели роту «к нормальному бою». Комбат остался доволен нашим подразделением.

Дня через два после отъезда комбата ко мне на заставу около часа ночи пришли командир роты старший лейтенант Ефимкин со своим заместителем старшим лейтенантом Гомбоевым. Их сопровождал солдат-узбек, фамилию, к сожалению, не запомнил. Как нельзя кстати я не спал. Под тусклым светом сорокаваттной лампочки я писал очередной «шедевр»... Дежурный по взводу сержант Шевченко постучал в дверь канцелярии, предупредив меня о гостях. Я вышел на улицу и увидел знакомые силуэты.

— Ну что, Михалыч, пойдём посмотрим, как твои орлы службу служат, — обратился ко мне ротный.

Я вернулся в землянку, взял автомат, и мы проследовали на посты. Мы шли узкой тропинкой, на которой я знал каждый камушек, потому что по нескольку раз за сутки в любое время дня и ночи был на позициях своего взвода.

Мы подошли к посту номер десять. Метров за тридцать один из наблюдателей, рядовой Ершов Андрей, окрикнул установленной командой и назвал пароль — от меня последовал отзыв. Затем наблюдатель назвал число — я озвучил другое число, чтобы их сумма была равна той, которую установил командир роты на вечернем разводе при отдаче боевого приказа...

Ротный и Арсалан подошли к бойцам. Сергей пристальным взглядом оценил состояние моих солдат и задал пару вопросов:

— Ну что, товарищ Ершов, как служится?

— Да вроде ничего, — ответил солдат.

— Как дома? Родные пишут письма из Тулы?

— Конечно, не забывают.

— А ты? Часто пишешь?

— Периодически пишу, когда есть время.

— А что, взводный не даёт времени для написания писем?

— Да нет, даёт, просто иногда бывает не о чём писать. Начинаешь выдумывать.

— Так ты завтра напиши, как тебя ротный с Арсаланом Гомбоевым проверяли, или просто напиши маме: мол, всё у меня хорошо, жив-здоров, — и ей будет спокойнее.

— Ладно, товарищ старший лейтенант, обязательно об этом напишу...

Андрей Ершов призвался из Тулы, был моим «командирским» наводчиком пулемёта. Невысокий худенький парень обладал богатырским здоровьем. Я всегда удивлялся, как такой боец справляется с заряданием крупнокалиберного пулемёта...

Судя по выражению лиц проверяющих, оба офицера управления роты, в том числе и я, остались довольны увиденным.

— Юра, давай с нами, прогуляемся в лунную апрельскую ночь, воздухом свежим подышим, — закончив проверку моего взвода, предложил Сергей. — Без проблем, командир. Пойдём в первый взвод? — ответил вопросом на предложение ротного я.

— Да, проверим бойцов ни разу не краснознамённого первого взвода подпоручика Ален-Делона Борисовича Егиазаряна.

Мы вышли на взлётно-посадочную полосу, смонтированную из специальных металлических щитов, скреплённых между собой. Время в пути было недолгим. Мы подошли к афганской пересылке, рядом с которой располагался один из постов первого взвода нашей роты, и увидели следующую картину.

На посту находился один наблюдатель (второго почему-то не было). Прислонив свой ручной пулемёт к стенке из саманного кирпича, он спал так, что своим храпом мог разбудить всю округу. Нашему возмущению не было предела. Сергей указательным пальцем прикрыв свой рот, показывая всем нам, что надо тихо «снять» наблюдателя и скрутить его. Мы одобрительно кивнули головами. Арсалан нашёл поблизости брошенный старый мешок, ни слова не говоря на русском языке, накинул его на бойца. Солдат-узбек взял пулемёт. Мы скрутили и связали горе-наблюдателя и потащили в сторону афганской пересылки. Сопровождавший нас солдат стал говорить что-то на узбекском, давая понять заснувшему наблюдателю, что его тащат «дүхи». Боец не сопротивлялся, его тело обмякло и покорно повиновалось нашим манипуляциям. Он даже слегка помогал своими ногами, перебирая ими по пыльной земле...

— Дяденьки, только не бейте, пожалуйста, только не бейте, дяденьки! — завопил солдат. — Я расскажу вам, где спят офицеры и прапорщики роты...

Услышав последнюю фразу, ротный пинком приложился к мягкому месту солдата... Мы дружно взяли его за руки и за ноги и молча пронесли метров десять. Узбек продолжал что-то кричать на своём языке, и когда мы увидели, что между

ног у переносимого нами солдата образовалось мокрое пятно, отпустили...

Арсалан развязал мешок и освободил «пленника». Надо было видеть глаза этого маленького, тщедушного русского солдата. Что творилось у него в голове — одному Богу известно. Он не мог произнести ни слова и понять, что с ним случилось. Из глаз текли слёзы, адекватные мысли были далеки от тела. Ещё неизвестно, что могло бы быть для него лучше: оказаться у «дүхов» в плену или быть «освобождённым» своими родными офицерами, особенно после слов об оказании помощи душманам, рассказав о том, где они находятся...

Арсалан произвёл из рпк (ручной пулемёт Калашникова) горе-наблюдателя три коротких очереди. Через пару минут личный состав первого взвода был на боевых позициях. Остатки ночи подчинённые лейтенанта Егиазаряна провели в окопах. Только с помощью коллективной ответственности достигается слаженность воинского коллектива. А ведь всё могло закончиться для всех нас весьма плачевно, о чём на утреннем построении роты рассказал командир...

Через полторы недели после случившегося Сергея перевели в Кундуз, во вторую роту, на аналогичную должность, как нам сказали, с перспективой повышения на должность начальника штаба нашего батальона, а мы остались в ожидании приезда нового командира роты...

Глава двадцать восьмая

Без Серёги стало грустно и тоскливо. Мы призывали к его шуткам и острому, порой жёстким выражениям. Он был мозгом и мотором нашей роты. С его уходом я стал реже приходить в управление роты. Не с кем было поговорить. Разве что с Арсаланом, он парень свой, пехотный офицер, к тому же уссурийский кадет...

Замполит — качок, сам себе на уме. Вроде и мужик нормальный, но, как все качки, занимался самолюбованием. У него была одна, как теперь говорят, фишка. При случае, когда хотел показать себя в выгодном свете, он оголял свой торс, напрягал грудную мышцу так, что мог спокойно поставить на неё кружку с водой. Мы и сами иногда просили его показать этот трюк.

Однажды у меня с ним произошла неприятная история. Он пришёл на мою заставу во время ночной проверки. Ему не понравилось, как его встретил наблюдатель на посту. Замполит зашёл в землянку, не объясняя причин и не замечая меня, поднял взвод по тревоге и в «наказание» заставил бойцов выйти на боевые позиции и продолжать нести службу в окопах.

— Что случилось? Кто-то спал на посту? — спросил я замполита.

— Идите, товарищ старший лейтенант, разбирайтесь со своими подчинёнными, — сквозь зубы,

не объясняя причин, ответил лейтенант Канушин и покинул заставу.

Вместе с бойцами я расположился на боевых позициях, попутно стал расспрашивать подчинённых: что же произошло во время ночной проверки?..

Я выяснил, что при приближении замполита к посту наблюдатель десятого поста окрикнул его установленной командой, назвав соответствующий пароль. В ответ лейтенант произнёс неправильный отзыв. В кромешной темноте наблюдатель ещё раз произнёс пароль, на что снова прозвучал неправильный отзыв. Тогда солдат предупредил замполита: «Стой, стрелять буду!» Лейтенант Канушин разразился нецензурной бранью: «Якупов, твою мать, это я, твой замполит роты, лейтенант Канушин... Ты что, меня не узнал?» — «Стой, стрелять буду!» — вновь не услышав правильный отзыв, передёрнул затворную раму автомата рядовой Якупов. Осерчавший на солдата Канушин проследовал на заставу моего взвода...

Выяснив все обстоятельства инцидента, я отвёл вернувшегося к завтраку на боевые позиции замполита в сторону от подчинённых и спокойным голосом посоветовал ему сходить на три известные всем буквы и впредь употреблять в пищу недостающие микроэлементы, способствующие восстановлению памяти, а взводу скомандовал покинуть окопы и убыть в землянку...

Лейтенант обиделся и молча удалился в управление роты, а ближе к ужину прислал записку, в которой вызывал меня, ни много ни мало, на дуэль... Дуэль — как много в этом звуке!!! Почти как у Куприна...

Необходимо было обязательно реагировать на вызов, иначе можно было потерять не только свой авторитет, но и лицо... Примерно так я рассуждал в то время...

Вечером я пришёл в управление роты на ужин и застал лейтенанта в плачевном состоянии, он сидел в полумраке офицерской столовой. На столе стояла почти пустая бутылка сорокаградусного напитка. Увидев меня, не вставая, он буркнул, чтобы я выбирал оружие, из которого предстояло стреляться. Особой альтернативы в выборе оружия для дуэли не было: автомат Калашникова или пистолет Макарова. Из автомата стреляться как-то не с руки. Пистолет в роте был только у замполита, остальные офицеры и прапорщики предпочитали нормальное оружие в боевых условиях. Решили стреляться по очереди из его пистолета. По жребию первым должен был стрелять лейтенант Канушин. Единственным моим условием было написание замполитом «предсмертной записки», обращённой к своим родным и близким. Дрожащей рукой замполит стал писать текст под мою диктовку. Он написал, что в своей смерти никого, в частности меня, не винит.

По окончании написания я положил записку к себе в карман.

Мы вышли на улицу в полной темноте, выдвинулись от столовой метров на сто в сторону полка и отсчитали расстояние в двадцать пять шагов друг от друга. Я специально встал со стороны расположения полка, который в ночи светился ярким светом. Мы оба замерли. Сердце kloкотало. Неужели выстрелит? Я видел, что замполит с трудом мог разглядеть меня в лучах света, от тяжести момента его рука болталась в разные стороны. Неожиданно прозвучал выстрел.

«Надо же, выстрелил, сучонок», — подумал я...

Я стоял не шелохнувшись. Расчет оказался оправданным. Слава Богу, я жив!!! Мало ли что могло произойти...

После непродолжительной паузы я подошёл к замполиту, взял пистолет, проверил наличие патрона в патроннике. Проследовал на своё место, поднял пм на вытянутой руке. Замполит заорал: — Ну, стреляй же, стреляй быстрее!!!

Выдержав паузу, я произвёл выстрел. Да, я умеренно выстрелил мимо, не собираясь убивать замполита, но честь — офицерская честь — превыше всего.

Я подошёл к Владимиру, похлопал его по плечу, обнял и повёл в столовую. Попросив у Богданыча бутылку самогона, в знак примирения, за рюмкой горькой, мы высказали друг другу свои «обиды».

По прошествии лет понимаю, что зря поддался на этот эмоциональный порыв. Не стоила эта история такого развития событий. Всё для нас обоих могло закончиться плачевно. Зачем, когда и так каждый день жизнь любого из нас висела на волоске от смерти, испытывать себя подобным образом, ради чего? Даже сейчас, спустя тридцать с лишним лет, грустно от той истории, которая до сих пор занозой сидит в моём сердце...

Глава двадцать девятая

Володя Кравцов, техник роты, готовился к замене и ждал, когда же прилетит его замена... Он первым выходил из своего жилища, когда слышал приближающийся звук каравана «вертушек», вставал на землянку продовольственного склада и молил Всевышнего о том, чтобы наконец-то прилетел его заменщик. Глядя на эту сцену, у меня родился текст к песне про заменщика на музыку Владимира Кузьмина «Мячик»:

Я ещё вчера гулял в гражданке
И с подругой шёл кино смотреть,
А теперь сижу в сырой землянке,
Мне осталось только лишь поте-е-еть.

Слава Богу, я теперь не буду
Ночью по постам ходить пешком,
Я скорее всё это забуду,
Спасть с женою стану нагишо-о-ом.

Привет:

Где же ты, заменщик дорогой?
Где же ты, заменщик дорогой?
Приготовил я тебе бакши-и-иш,
Вот и вышел срок, пора домой,
Вот и вышел срок, пора домой,
Ну а ты, зараза, не летишь,
Ну а ты, зараза, не лети-и-ишь...

Кончились обстрелы и разводы,
Лишь во сне я буду вспоминать
Фанту-шурави и пепси-колу,
От кошмаров в ужасе встава-а-ать,

Привет.

Однажды, при обстреле «взлётки» реактивными снарядами, техник выбежал из своей комнаты, прихватив большой чемодан с подарками для родных и магнитофон в коробке. Положив на дно старой воронки весь свой нехитрый скарб, он накрыл его своим телом. Вся эта комичная картина в дальнейшем служила поводом для шуток и приколов в его адрес.

Лишь в начале мая 1987 года прилетел заменщик технику, старший прапорщик Алексей Разарёнов, с которым в Файзабаде у нас сложились тёплые и дружеские отношения. Жаль, что мало пришлось прослужить вместе.

Игорь Богданых Кузив, наш старшина, представлялся нам в то время древним стариком, хотя ему было немногим за сорок. Мы были с ним людьми разных поколений, и наши взаимоотношения носили характер общения отцов и детей. Он жил своей жизнью, но заботами подразделения. Старшина—единственный из офицеров и прапорщиков роты, кто для проведения ночной проверки постов надевал каску и два бронжилета, брал с собой переносную радиостанцию, сигнальные и осветительные ракеты. Мы с пониманием относились к его причудам, и никто никогда за это его не подкалывал. Благодаря стараниям старшины у нас в роте появился свой огород, на котором выращивали свежие овощи. Семена присылали родные вместе с письмами в конвертах, а воду для полива привозили из Кокчи-реки...

Глава тридцатая

Спустя неделю после отъезда Сергея к нам в роту прибыл новый командир роты, лейтенант Паша Сосенков, до назначения служивший в третьей роте нашего батальона взводным. Кстати, и замполит был тоже из третьей роты. В общем, собиралась компания выходцев из третьей роты. Мы с Арсаланом были явно не в восторге от этих перестановок. Одним словом, армия...

Весна раскрасила бурным цветом, яркими мазками окружающую природу. Редкие проливные дожди сменились выжигающим солнцем. После

обеда на улице не было ни души. Казалось, что и дышать было невозможно. Спасала только Кокча, горная река, главным источником водоснабжения которой были склоновые талые воды снежных вершин. В пятидесятиградусную жару я окунался в ледяную воду этой реки на несколько секунд и пулей выпрыгивал из горного потока. Затем полчаса сидел под палящими солнечными лучами на берегу и не мог согреться.

В один из таких дней мы с Арсом увидели прибитый к берегу труп паренька, лет шестнадцати. На нём не было одежды. Во лбу зияло чёрное едва заметное отверстие от пули... Чтобы никто не задавал лишних вопросов, мы оттолкнули тело от берега, и оно поплыло дальше по течению... Позднее мы узнали, что парня убили «дúхи» в верховьях реки Кокчи, потому что его семья не хотела отдавать сына в банду инженера Басира.

В середине мая, после обеда, я возвращался к себе на заставу. Проходя мимо склада ГСМ роты аэродромного обеспечения сводного вертолётного отряда, я увидел перед собой фонтанчик пыли, через несколько секунд услышал звук от выстрела снайперской винтовки. Затем услышал ещё один выстрел, раскатившийся эхом в горах. В первое мгновение не придал этому значения, затем понял последствия происходящих событий. Я присел, огляделся по сторонам. Естественно, никого, кто бы мог стрелять в меня, невозможно было разглядеть. Расстояние от стрелявшего до меня было предельным. Возможно, это было чьё-то предупреждение в мой адрес. Я догадывался о причине этого предупреждения, а пока постарался как можно быстрее оказаться на своей заставе.

Глава тридцать первая

Лейтенант Артур Борисович Егиазарян, командир первого взвода, закончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР, до Афганистана служил в Забайкальском округе, в Монголии. С ним было весело, это человек-праздник, и у него всегда был позитивный настрой. Казалось, что он никогда не унывал.

Мы могли общаться с ним на разные темы, но наши заставы были на удалении друг от друга, поэтому не всегда удавалось найти возможность для разговоров.

Однажды, когда у нас в офицерской столовой сломался телевизор, мы вместе поехали в отдельный мотострелковый полк, к его другу-однокашнику по училищу—лейтенанту Гамидову Набику. Артур сказал, что его товарищ может оказать содействие в ремонте телевизора.

Полковые подразделения готовились к боевому выходу. Рядом с палатками проходил смотр готовности к «боевым». В толпе солдат и офицеров мы увидели лейтенанта Гамидова. Артур по-братски

обнялся с другом, и было видно, что они дорожат своими отношениями. Набик с ходу стал рассказывать нам о своём выходе на «боевые»...

— Артур, брат, тут такая плотная война намечается... — растягивая слова и закатывая глаза, с колоритным, присущим только бакинцам акцентом, начал офицер. — Ара, нам прививки перед выходом уколом поставили, чтобы какая-нибудь зараза не цапанула... — показывая указательным пальцем на вену, усмехнулся лейтенант.

Артур перехватил инициативу:

— Набик, у нас в роте проблема — сломался телевизор, и для его ремонта нам нужен транзистор.

— Брат, транзистор — это такой чёрный, с антенной, когда на кнопку нажимаешь, из него музыка играет, да? — попытался уточнить лейтенант Гамидов.

— Нет, Набик, это такой маленький, чёрненький, с тремя усиками, который вставляешь в телевизор, припаиваешь к плате, и он начинает показывать, КТ807Б называется, — пояснил Артур.

— Ара, понял, брат: маленький, чёрненький, с тремя усиками, который вставляешь в телевизор, и он начинает показывать? Так бы сразу и сказал, — недоумевал Набик. — Ара, давай, записываю: ка тэ восемьсот семь бэ.

Лейтенант достал из бокового кармана полевой формы ручку с гелевыми чернилами и, чтобы не забыть и не смыть надпись, записал название транзистора между пальцев, на всякий случай...

Я смотрел на лейтенанта и не мог понять, почему он такой заторможенный. Неужели предстоящий боевой выход мог ввести человека, офицера, наконец, в такое состояние? А может, причина в другом? Как он будет командовать людьми, которые находятся у него в подчинении? На него рассчитывает командование роты, батальона, полка. Всё было намного проще и намного сложнее одновременно...

Набик провёл нас в роту связи. На наше счастье, у связистов был в наличии искомый транзистор. Мы отблагодарили наших спасителей бутылкой самогона, которую передал Игорь Богданьч.

В следующий раз лейтенанта Гамидова мы увидели на «взлётке», во время выгрузки личного состава из вертолётки после боевого выхода. На лице офицера была чёрная борода, он еле стоял на ногах и едва шевелил губами, а когда увидел Артура и меня, не смог скрыть едва катившуюся по щеке слезу.

— Артурчик, братишка, я живой, брат!.. — не мог сдерживать эмоций Набик.

Он рассказал нам, как «дүхи» внезапно атаковали его взвод, как в одно мгновение он набросал вокруг себя огромные булыжники, которые после боя не смог передвинуть даже на сантиметр, как «дух» закинул гранату за его бруствер, а он взял её в руки и кинул обратно в его сторону. Где была

правда, а где вымысел, останется на его совести. Всё могло быть в этой жизни, в этой стране, в той обстановке. А мы, рассказывая на десять рядов о встрече с Набиком, в десятый раз смеялись над тем, как ему поставили укол, чтобы какая-нибудь зараза не цапанула, и как он швырял «духовскую» гранату обратно...

Глава тридцать вторая

В конце апреля 1987 года меня отправили в батальон за новым старшиной роты. Прилетев в Кундуз днём, вечером я уже находился с прапорщиком Романом Бендасюком на аэродроме. Офицер кундузской пересылки назвал номер вертолётки, в котором мы должны были лететь в Файзабад, и записал наши фамилии в журнал вылетов. Вертолётки стояли в готовности и запускали двигатели. В очередной раз я с трудом нашёл «свой» борт, в котором предстояло совершить незабываемое путешествие, но оказалось, что в нём не было парашютов. В поисках средств десантирования мы с прапорщиком обежали почти все вертолётки, пока, наконец, в крайнем Ми-8 не оказалось два заветных парашюта.

С помощью борттехника мы надели парашюты. Для меня эта процедура была не впервой, а вот со старшиной пришлось повозиться. Вертолётчик ловкими заученными манипуляциями рук и с помощью «какой-то матери» водрузил на прапорщика подвесную систему с запасным парашютом и проинструктировал, как необходимо действовать в случае экстремальных обстоятельств, показав вытяжное кольцо, за которое нужно дёрнуть после покидания борта вертолётки. Инструктаж проходил при работающих двигателях, поэтому прапорщик с трудом слышал и понимал, что от него требуется. По выражению его лица было видно, что это был его первый полёт на вертолётке. У меня в своё время тоже было такое же лицо, которое без слов выражало страх и ужас перед неизведанным...

Наконец в салоне выключили свет, иллюминаторы были закрыты светонепроницаемыми шторками, мы почувствовали движение вертолётки, он на несколько секунд оторвался от поверхности, немного завис в воздухе и через мгновение, совершив разгон, помчал нас к конечному пункту нашего назначения.

Полёты транспортной авиации в Афганистане осуществлялись в ночное время, поэтому особых эмоций от наблюдения пейзажа под винтокрылыми машинами никто из нас не испытывал. Нормальное общение не представлялось возможным по причине шума вертолётных двигателей, поэтому мы сидели молча, друг напротив друга, и каждый находился наедине с собственными мыслями.

Тем временем полёт приближался к своему завершению, и наш вертолётный караван приступил

к снижению. Приоткрыв шторку, я посмотрел в иллюминатор. Внизу, среди гор, была nastоящая война: разрывы от крупнокалиберных снарядов и очереди трассирующих пуль в разных направлениях. Подойдя к прапорщику, я отодвинул шторку, и старшина увидел сюрреалистическую картину «апокалипсиса наших дней». В темноте я не видел эмоций прапора, мне хватало своих. Быстрее бы коснуться твёрдой поверхности и оказаться у себя в землянке на своей заставе. Тем более при таких обстоятельствах, в горах, ночью, даже если ты суперопытный десантник, никакой парашют не спасёт. Об этом неоднократно говорили вертолётчики. Я и сам подозревал о возможных последствиях экстренного выхода за борт вертолётки в горах, к тому же ещё и в ночное время...

С первым касанием шасси в салоне вертолётки включился свет, и тут же я увидел, что у прапорщика «распорот живот», и он в спешном порядке неуклюжими движениями пытался собрать оранжевые «кишки» обратно. Но ничего путного у него не получалось, «кишки» с большей силой выворачивались из-под ладоней и вновь устремлялись на пол вертолётки. Открылась дверка кабины пилотов, и из неё вышел борттехник...

— Ё...я пехота!!!!!! Сколько можно? Опять после вас парашют собирать! Дал бы по твоюму «чайнику», прапорщик,—замахнувшись, борттехник чуть не вмазал Бендасюку по затылку.

Я готов был упасть под лавку от смеха. Такого ржачного хохота я не испытывал давно.

После того как я показал в иллюминаторе «войну», прапорщик с перепугу заранее рванул вытяжное кольцо, и оранжевый запасной парашют, находящийся спереди, в одно мгновение раскрылся...

Новый старшина оказался полнейшей противоположностью нашему славному старшине Игорю Богдановичу Кузиву. Есть такая категория военнослужащих, от которых хотят срочно избавиться. Командир в Союзе отправил нерадивого прапорщика с глаз подальше, чтобы провинившийся «кровью», так сказать, искупил свою вину. Но такой прощельга, как Бендасюк, и в Афганистане нашёл себе «тёплое» место. Наша рота находилась на удалённом расстоянии от штаба батальона. Попасть к нам можно было раз в год, во время армейской операции или в составе вертолётного каравана. Командование батальона не часто прилетало с проверками, поэтому прапорщик пользовался этим моментом.

Однажды прапорщик поехал на газ-66 в отдельный мотострелковый полк за продуктами и «пропал». Бойцы вместе с офицерами роты неделю питались «подножным» кормом, израсходовав все запасы продовольствия. На поиски старшины отправили техника роты старшего прапорщика Алексея Разарёнова. С большим трудом он нашёл

его на каком-то складе, пьяного и без продуктов. Такого безобразия в нашей роте не было никогда. Пришлось экстренно предпринимать соответствующие репрессивные и воспитательные меры воздействия на прапорщика.

Глава тридцать третья

В начале июня 1987 года из Файзабада меня неожиданно перевели во вторую роту, в Кундуз. О причине своего перевода могу только догадываться...

В Кундузе я вновь стал служить под командованием Сергея Ефимкина. За короткий срок службы в Файзабаде между мной и Сергеем установились не только служебные, но и тёплые дружеские, можно сказать — доверительные, отношения. У нас во многом были общие взгляды на службу, на жизнь и на взаимоотношения между людьми. Мы дополняли друг друга. Сергей по характеру — прямой и резкий в поступках человек, не терпящий компромиссов и уверенный в своей правоте командир. Я — спокойный и уравновешенный человек. Иногда мог словом остановить от опрометчивых поступков. Мы доверяли друг другу...

«Я обычно сначала голову рублю, а потом фамилию спрашиваю», — любил повторять Сергей Ефимкин. Иногда такие действия приносили командиром роты дополнительные проблемы, но он неумолимо шёл к своей цели, потому что всегда знал, чего хочет.

Мы общались с ним на разные темы. Он очень начитанный и эрудированный молодой человек, с хорошим чувством юмора, который был жизненно необходим в Афганистане. Сергей родился в семье военного, когда отец проходил службу в Венгрии. С родителями он сменил не один военный гарнизон, и судьба не могла распорядиться иначе — он продолжил славную офицерскую династию.

С Сергеем мы одногодки, закончили военные училища в 1983 году: он — Орджоникидзевское воку, я — Омское воку. Оба наших учебных заведений готовили не паркетных офицеров, а настоящих профессионалов своего дела. До службы в Афганистане мы прошли хорошую школу и получили богатый опыт в прославленных соединениях Советской армии. Сергей три года был командиром взвода и роты в гвардейской Кантемировской танковой дивизии Московского военного округа, я три года командовал мотострелковым взводом в гвардейской Иркутско-Пинской мотострелковой дивизии Центральной группы войск, дислоцированной в Чехословакии. Поэтому без труда и раскочки мы сполна использовали навыки и умения, полученные до назначения в Афганистан.

Я принял первый взвод второй роты. Спустя пару месяцев после моего приезда в Кундуз меня назначили заместителем командира второй роты. Я заменил старшего лейтенанта Акмышева Тойбека Жакиниязовича, выпускника Алма-Атинского

высшего общевоинского командного училища 1979 года выпуска, убывшего в Союз по замене. Между собой мы звали его Толиком...

На моё место, командиром первого взвода второй роты, из Среднеазиатского военного округа прибыл лейтенант Мамедов Габиль Сабирович, выпускник Киевского высшего общевоинского командного дважды Краснознамённого училища имени М. В. Фрунзе. Несмотря на то, что в Азербайджане располагалось общевоинское командное училище, он поехал поступать в Киев. Мечта стать кадровым военным зародилась у него в раннем детстве, поэтому Габиль поступил в Бакинскую специализированную школу имени Джемшида Нахичеванского и, уже после её окончания, продолжил учёбу в военном училище в Киеве.

Габиль — невысокого роста, худощавый и крепкий парень, очень хорошо говоривший по-русски, но с небольшим бакинским акцентом. Мне вообще везло на выходцев из Баку. Бакинцы — особый народ, со своим колоритом и пониманием жизни. Первые три года офицерской службы в ЦГВ меня опекали два выпускника этого училища. Это гвардии старшие лейтенанты Артур Балаев и Женья Вожов. Я быстро нашёл с ними общий язык, потому что всегда был с ними на одной волне.

Теперь пришло время самому отдавать долги. Я опекал молодого офицера, лейтенанта Мамедова, и вводил его в курс событий, для того чтобы он как можно быстрее освоился в новой обстановке. Несмотря на мои наставления о том, что здесь особые условия службы и что все без исключения военнослужащие должны соблюдать определённые правила поведения в условиях ежеминутной опасности, Габиль, как славный представитель Кавказа, старался быть самостоятельным в принятии решений, что могло привести к непредсказуемым последствиям.

В первую неделю пребывания на заставе Габиль решил познакомиться с одним из солдат своего взвода, который был прикомандирован в миномётную батарею нашего батальона.

Ближе к вечеру, никого не предупредив, вдвоём с водителем бронетранспортёра рядовым Помазковым, он всё же уехал к миномётчикам. На ужине я заметил, что взводного нет в расположении заставы. Замкомвзвода доложил, что молодой лейтенант уехал в неизвестном направлении. Признаться честно, моему негодованию не было предела. По возвращении лейтенанта Мамедова в расположение роты у меня с ним состоялся серьёзный мужской разговор. Спустя час после проведённой политико-воспитательной командирской работы я почувствовал, что мои слова начинают доходить до сознания лейтенанта Мамедова...

Через два дня, в пятницу, на совещании офицеров и прапорщиков в управлении батальона начальник штаба доводил до личного состава

приказы командующего 40-й армии. Одним из первых был приказ о наказании молодого, вновь прибывшего из Союза лейтенанта, который самостоятельно в вечернее время покинул расположение части, чтобы познакомиться с личным составом взвода, расположенного на удалённой заставе.

По выражению лица лейтенанта Мамедова было видно, что он не на шутку напрягся и готов был понести суровое наказание за опрометчивый поступок...

Я тоже было подумал: неужели кто-то быстро сработал и доложил о случившемся аж на самый верх? Я, как и Габиль, приготовился к самому худшему...

Однако когда в приказе зачитали другой номер части, всё встало на свои места. Тот случай в приказе один в один повторял события, которые произошли у нас в роте двумя днями ранее. Что самое интересное, фамилия и воинское звание офицера, прозвучавшие в приказе, совпадали с нашим «орлом»...

Только последствия происшествия, которое послужило поводом для приказа, были плачевны. Бронетранспортёр с лейтенантом попал в засаду, и офицер с одним из его подчинённых были отправлены в цинковых гробах домой, третий солдат был тяжело ранен...

Для Габилы и меня это был урок, который мы оба запомнили на всю жизнь...

Глава тридцать четвёртая

В конце июля 1987 года подходила к завершению служба в Афганистане командира нашего батальона капитана Перевозчикова С. Г. Ему на замену прибыл новый комбат — майор Чуваев Сергей Александрович из Забайкальского военного округа.

Двадцать седьмого июля я пригласил обоих комбатов и пару офицеров управления батальона к себе на день рождения. Мы славно отметили мои четверть века, и буквально через пару дней «старый» комбат попросил Сергея Ефимкина и меня сопроводить его со спутниками до Кундуза. Целью нашего сопровождения было посещение дукана, в котором можно было приобрести подарки для себя и своих родных перед отправкой на Родину.

За полгода до описываемых событий в Ишантопской степи произошло происшествие, которое в дальнейшем послужило поводом для нашей поездки в дуканы в расширенном составе. Дело в том, что известный в узких кругах кундузский дукандор Ибрагим попал в душманскую засаду, аккуратно в зоне ответственности нашего батальона. Бойцы батальона под командованием капитана Перевозчикова С. Г. не только предотвратили убийство Ибрагима и ограбление машины с товаром, но и сопроводили дуканщика к месту назначения,

в Кундуз. В свою очередь, Ибрагим предложил свои услуги комбату в покупке любого товара в своей лавке, когда тому пожелается.

И вот этот день наступил. Мы благополучно доехали до знаменитого Кундузского кольца, на котором располагался дукан Ибрагима. Организовав круговое наблюдение, мы оставили бойцов на броне для охраны, а сами направились к торговой точке. Перед входом в лавку нас с распростёртыми руками встречал сам хозяин дукана. На вид ему было не больше тридцати пяти лет, невысокого роста, смуглое точёное лицо с широкой белозубой улыбкой, которая не сходила с его лица.

— Салам алейкум, командоры!!! — Ибрагим раскинул руки в широких объёмах.

— Салам, Ибрагим, — комбат приветствовал дуканщика и его помощников рукопожатием.

Все вошедшие в помещение гости по очереди поздоровались с дукандором по мусульманскому обычаю. Он каждого приветствовал троекратным прикосновением щеки к щеке, протягивая свои руки к нашим.

— Как дела, командор? — обратился Ибрагим к комбату.

— Всё в порядке, вот решили заехать к тебе в гости, — с участием ответил капитан Перевозчиков. — Может, чай? Что хочешь, командор, для тебя всё есть!

— Ташакор («спасибо» по-афгански), Ибрагим, сейчас выберу подарки, потом решим, — продолжил комбат.

— Давай смотри, есть много хороших вещей, только вчера из Пакистана приехал.

После советского тотального дефицита от изобилия и разнообразия товара глаза у присутствующих разбегались в разные стороны. Недаром в одной из «афганских» песен про «день такой отличный» поётся:

В дуканах можно всё приобрести:
От жвачки и до пулемёта,
Мумиё, скафандр, кольчугу и шлем,
Ятаган, мотор от вертолёта...

Так и у Ибрагима был весьма солидный выбор всевозможных вещей. Афганцы — прирождённые торговцы, сами любят торговаться и уважают тех, кто с ними вступает в торговый поединок. Поэтому, зная такую национальную, я бы сказал — восточную, особенность, мы приступили к процессу. Первым торговцем с нашей стороны, естественно, был капитан Перевозчиков. По большому счёту, я сам во второй раз был в дукане и в большей степени смотрел за окружающей обстановкой и как торгуются другие.

Комбат без примерки выбрал костюм «Командо» и показал его Ибрагиму.

— Три тысячи афгани (афгани — денежная единица Афганистана), — озвучил цену дуканщик.

— Две с половиной, — с улыбкой посмотрел в сторону Ибрагима командир.

— Хоп, — склонил голову дукандор, записывая карандашом на бумажке сумму костюма.

— Кофейный сервиз с мелодией, — Сергей Геннадьевич кивнул головой на синюю коробку с сервизом.

— Три с половиной тысячи, — чуть было не приступил к записи дуканщик.

— Две с половиной, — твёрдо отрезал капитан.

— Тогда, может, и чайный сервиз в придачу? Два сервиза отдам за четыре с половиной тысячи афгани...

— Хорошо, но только за четыре тысячи афгани, — комбат был непреклонен.

Затем были кроссовки, джинсы, покрывало и ещё очень большое количество всего, что было в списке у комбата...

На весь товар Сергей Геннадьевич просил скидку и получал утвердительный жест дуканщика.

Надо сказать, что Сергей Геннадьевич долгое время прожил в Узбекистане и окончил Ташкентское общеобразовательное командное училище. Он хорошо знал тонкости базарного этикета и психологию торговцев, поэтому уверенно гнул свою линию, играя на тонких струнах восточного человека.

В конце комбат попросил Ибрагима озвучить всю сумму за приобретённый товар.

— Пятьдесят две тысячи афгани, — вытирая пот со лба, выдавил Ибрагим.

— Сорок тысяч, и ни афушкой (производная от афгани) больше. Я думаю, торг здесь неуместен, — улыбаясь, процитировал знаменитую фразу Остапа Бендера из «Двенадцати стульев» комбат...

— Хорошо, командор, сорок тысяч — и по рукам. Я всегда буду помнить, как ты меня спас. Пусть ты и твои друзья примут мои угощения.

Вдруг, как из сказочного ларца, у каждого из нас в руках появилось по палочке горячего шашлыка из молодого барашка и по баночке немецкого пенного напитка.

Мы мирно беседовали с дуканщиком, попутно для себя я тоже присмотрел кое-какой товар. Но самым главным приобретением для меня стал радиомикрофон. Этот микрофон можно было вручную настроить на FM-частоту любого импортного магнитофона с тюнером и через него вещать окружающему миру свои голосовые изречения. В тот момент я толком не представлял, как я смогу использовать его возможности, но на подсознательном уровне я чувствовал, что иметь в то время такой микрофон — это очень круто...

Уже вечером я опробовал микрофон в действии. У Сергея Ефимкина в комнате стоял японский «Sharp-777». Совместными усилиями, мы с ротным настроили микрофон на FM-частоту радиоприёмника, и через динамики зазвучал мой голос. Я по достоинству оценил звучание микрофона,

тем более что с помощью встроенного эквалайзера можно было регулировать воспроизводимые частоты. Сергей тоже пару раз попробовал, как звучит его голос, и остался доволен моей покупкой, сожалея о том, что не купил себе такую же игрушку.

Глава тридцать пятая

На следующий день, во время хозяйственных работ на заставе, мы с ротным поставили магнитофон в раскрытое окно сержантского класса, находящегося в помещении управления роты. Из магнитофона доносились «мелодии и ритмы зарубежной эстрады», а бойцы под зажигательные аккорды известных исполнителей месили глину для забора, который возводился по периметру всего комплекса помещений управления роты. После одной из песен я незаметно переключил магнитофон в режим радиотрансляции, и после небольшой паузы из динамиков отчётливо стали доноситься слова известного, всенародно любимого диктора. Растягивая рубленные фразы, из колонок прозвучал низкий бас:

«От Советского Информбюро! Слушайте информационное сообщение!

Сегодня, двадцать девятого июля тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, в провинции Кундуз Республики Афганистан, в расположении тысяча трёхсот шестидесятого отдельного батальона охраны, силами бойцов первого взвода второй роты производятся работы по инженерному оборудованию заставы. Несмотря на пятидесятиградусную жару, солдаты и сержанты подразделения старшего лейтенанта Ефимкина Сергея Геннадьевича достойно выполняют поставленную перед ними задачу. Особой благодарности заслуживают рядовые Хайдаров Нурмамат Маматрахимович, Саидов Файзали Муратович, Суранчиев Досым Турганович, Казанцев Алексей Леонидович и другие.

Двумя днями ранее, в ночное дежурство, на выносном посту первого взвода уснул рядовой Балбекин Николай Евгеньевич. Командиром роты старшим лейтенантом Ефимкиным принято решение о направлении письма на родину рядового Балбекина, чтобы родители Николая знали, как на самом деле несёт службу их сын в Республике Афганистан.

А сейчас по заявкам «тружеников армейских полей» прозвучит полюбившаяся в подразделении песня в исполнении английского вокально-инструментального ансамбля „Статус Кво“ — „You're in the Army Now“ („Теперь ты в армии“)...»

Во время «радиотрансляции» весь личный состав взвода стоял и не мог пошевелиться. Все буквально оцепенели, особенно те, чьи фамилии прозвучали в «прямом эфире». До них никак не могло дойти то, что это я сидел в соседнем помещении и по бумажке зачитывал текст «информационного

сообщения»... В нужный момент я переключил тумблер воспроизведения кассеты, а из колонок зазвучало знакомое вступление...

A vacation in a foreign land,
Uncle Sam does the best he can,
You're in the army now,
Oh, oh, you're in the army now...

Ещё минут пять, пока играла песня, никто из присутствующих не мог прийти в себя. Коля Балбекин стоял с опущенной головой, предвкушая ненужные в такой ситуации расспросы своих родственников. Солдаты, чьи фамилии были озвучены в качестве «тружеников армейских полей», стояли с высоко поднятой головой и с открытым ртом, слушали полюбившуюся композицию. Все без исключения были в полной уверенности, что это настоящая радиотрансляция, и ждали продолжения информационного сообщения...

Только мы с Сергеем Ефимкиным и командиром взвода лейтенантом Мамедовым едва сдерживали слёзы от смеха...

Глава тридцать шестая

В середине августа из штаба батальона поступило распоряжение о подготовке сводной роты нашего батальона к участию в армейской операции по сопровождению автомобильной колонны с грузами для 860-го отдельного мотострелкового полка по маршруту Кундуз — Талукан — Файзабад. Мне предстояло командовать этим подразделением в составе шестидесяти человек личного состава и шести единиц бронетехники — БТР-70, с задачей обеспечить беспрепятственное прохождение колонны техники на выделенном для нашей сводной роты участке дороги. Личный состав и техника были привлечены из состава второй, третьей рот и управления батальона.

В назначенный день и час наша сводная рота, под общим командованием вновь прибывшего по замене командира батальона майора Чуваева Сергея Александровича, выдвинулась из расположения батальона в направлении Кундуза. Мы проезжали по дороге, которую и дорогой назвать было сложно. Через каждые десять-пятнадцать метров — воронки от разрывов крупнокалиберных снарядов. Мучная пыль от идущей впереди техники добавляла неудобств. Вдоль дороги — заросли растительности и глинобитные дувалы (заборы), каждый из которых таил в себе опасность. Солдаты, находящиеся на броне БТР, сканировали пространство в своих секторах обзора, пристально вглядываясь в каждый подозрительный уголок глиняных строений.

Наша небольшая колонна въехала в Кундуз. Город встречал недружелюбно. Мужчины в чалмах и тюбетейках с ненавистью смотрели на нас. После восьмилетней войны, постоянных лишений

и невзгод невозможно было по мановению волшебной палочки изменить сознание местных жителей. Люди были озлоблены и ненавидели пришельцев из-за речки. Бачата (афганские пацаны) бежали за техникой, показывали указательный палец и громко выкрикивали:

— Чарс, командор, чарс, командор!— предлагая афганский гашиш в виде скатанных в карандаш тёмно-зелёных «сигареток» или лепёшек.

— Командор, давай бакшиш (подарок)!— неистово кричали бачата.

Когда проехали немногим более километра по окраинам Кундуза, каким-то неуловимым и непостижимым образом под колёсами одного из бронетранспортёров оказалась маленькая девочка лет четырёх... Колонна остановилась. Комбат дал команду занять круговую оборону. Ужас, страх и оцепенение охватили нас. В первые мгновения случившегося мы не знали, что произошло и что нам делать. Крики и истерика афганцев всех возрастов, набежавших со всей округи, усугубляли ситуацию. Спустя несколько минут к нашей машине подошёл одетый в разорванное тряпье седовласый старик, на вид лет шестидесяти, и стал что-то говорить сбивчивым голосом. Через переводчика рядового Саидова Файзули я понял, что эта девочка, лежащая на обочине,—его младшая дочь. Саид перевёл, что у него в семье ещё девять человек, что он гарип (бедный), что ему нечем кормить семью... Народ обступил девочку, отец поднял её с земли, прижал к себе, затем обратил её на вытянутых руках к небу и стал молиться Всевышнему...

Не знаю, сколько бы это безумие продолжалось, если бы кто-то из бойцов, выходцев из среднеазиатских республик, не предложил откупиться тем, что было у нас в бронетранспортёрах. Я дал команду своим солдатам отдать старику несколько пар старых солдатских ботинок и х/б, полмешка риса, перловки и макарон, пол-ящика тушёнки и сгущёнки, растительного жира, ещё какой-то снеди, которую мы брали с собой на блокпост... Наступила минутная пауза, мы переваривали случившееся и наблюдали за афганцами. Вдруг отец девочки подошёл к моему БТР и стал что-то говорить. Он прикоснулся своими руками к моим ногам. Старик то и дело взывал к Аллаху и благодарил меня за подарки. Саид перевёл, что этих подарков хватит семье на несколько месяцев. А девочка? Девочка всё равно ушла бы из семьи. С ней надо было отдавать приданое, которого у него нет и не будет, а это одни убытки... Он благодарил Аллаха за то, что мы избавили его от больших проблем и забот. У меня не укладывалось в голове то, что произошло минутами ранее... Жизнь маленького родного человека ничего не стоила для этого отца. Что говорить о жизни людей, которые пришли в его страну непонятно для каких целей? В те мгновения я не думал об этом.

Осознание произошедшего события пришло гораздо позже...

Глава тридцать седьмая

Колонна бронетехники сводной роты продолжила движение по заданному маршруту и вскоре прибыла в назначенный район, который располагался в «зелёной зоне», в двух километрах напротив заставы второго взвода третьей роты нашего батальона. Комбат расположил бронетранспортёры вдоль дороги, которая изгибом напоминала тупой угол треугольника. В середине этого треугольника расположился мой блокпост, служивший одновременно командным пунктом нашей роты. По левую сторону от меня расположился взвод третьей роты под командованием недавно прибывшего из Союза великовозрастного старшего лейтенанта Виолора Колибана, справа, в километре, находился взвод лейтенанта Александра Екимовского. Сергей Александрович уточнил задачи и определил каждой «коробочке» свой сектор для наблюдения и стрельбы в случае внезапного нападения «дúхов» на колонну. Уже вечерело, командир пожелал нам удачи и убыл в расположение батальона.

Бойцы проверили местность на наличие мин и приступили к обустройству окопов для себя и техники. Командиры взводов организовали ночное дежурство на блокпостах. Я ещё раз проехал по дороге по всем блокпостам, составил на рабочей карте командира схему расположения подразделения, указал на ней сектора обстрелов для каждой «коробочки», уточнил с командирами взводов ориентиры, напомнил сигналы оповещения и порядок взаимодействия в случае обстрела со стороны «дúхов». Вокруг каждого блокпоста в ночное время на расстоянии тридцати-сорока метров были установлены сигнальные мины. Солдаты открыли в земле так называемые щели, выложили на дно сухой тростник и перекрыли щели плащ-палатками. Рядом с нами протекал арык, воду из которого пить было нельзя, чтобы, не дай Бог, не подхватить какую-нибудь заразу.

Жаркий и тяжёлый во всех смыслах день сменился непроглядной ночью. Дежурство на блокпосту было установлено попарным. Хотелось спать. Глаза слипались от нервного напряжения, но ответственность за порученное дело не давала возможности оказаться в сонном царстве. То и дело раздавались одиночные автоматные выстрелы и разрывы от подствольного гранатомёта, которые не давали заснуть и мне. Так бойцы, находящиеся в боевом охранении, обстреливали сомнительные участки местности, из которых могла поступить угроза. Через каждый час я заслушивал по связи доклады от всех блокпостов об обстановке.

Неожиданно с левого фланга расположения нашей роты ночную тишину пронзили автоматные очереди, а затем и выстрелы из крупнокалиберного

пулемёта, установленного на бронетранспортёре. Я наблюдал, как ответным огнём кто-то пытается подавить огневые точки «противника»... Выйдя на связь с командирами взводов, я приказал прекратить стрельбу. Через несколько мгновений воцарилась тишина. Оценив обстановку и заслушав доклады командиров, я понял, что стрельбу спровоцировал одиночный шальной сонный выстрел из расположения старшего лейтенанта Колибана в сторону взвода лейтенанта Екимовского. Затем началась прицельная стрельба в направлении друг друга. Как в такой обстановке подчинённые не перестреляли друг друга, остаётся только догадываться... Я передал по связи, чтобы все успокоились и продолжили наблюдение.

Утром всех ждал «разбор полётов». Жалкое зрелище представляли лица командиров, а их доклады о случившемся не поддавались никакой критике. Каждый из командиров не мог адекватно оценить свои действия и признать ошибки, которые могли привести к непредсказуемым последствиям. Возможно, сказалось огромное напряжение от увиденного днём на окраине Кундуза...

Вся ночь прошла в тревоге. С бойцами моего блокпоста я позавтракал вкуснейшим и «изысканным» блюдом в виде приготовленной на костре гречневой каши с тушёной и горячим крепким чаем. Я решил немного подремать. Ещё в училище я привык использовать каждую предоставленную минуту для сна и отдыха, мгновенно отключаясь от происходящего вокруг. И здесь, в экстремальных условиях, оставив за себя на блокпосту старшего сержанта Хуршеда Уракова, я в течение нескольких секунд провалился в безмятежность...

Однако сон продолжался недолго. Я проснулся от визга сигнальной мины и душераздирающего пронзительного крика. Вскочив, я увидел картину, которую смело можно было включить в сценарий комедийного фильма. Рядом с нашим блокпостом, через арык, располагалось рисовое поле, по небольшим канальчикам которого текла вода из арыка. Утром местные жители как ни в чём не бывало вышли на сельскохозяйственные работы — обрабатывать рис, как вдруг один из них наткнулся на растяжку сигнальной мины. В ужасе дехканин повалился в грязную водяную жижу и заорал что есть мочи. Оказалось, что с наступлением утра мои бойцы забыли снять одну из установленных растяжек. Мне и моему переводчику Саидову пришлось долго успокаивать правоверных мусульман, принося им свои извинения...

Глава тридцать восьмая

Не прошло и трёх часов после сцены с сигнальной миной, как к моему блокпосту приблизилась делегация из старейшин расположенного поблизости кишлака. Саид перевёл мне о желании старейшин

оказать честь уважаемым людям в моём лице — ответить с ними плов и принесённые фрукты. Я поблагодарил за оказанное доверие и пригласил группу из семи человек за свой быстро сооружённый дастархан. Старейшины выложили из казана в большое, расписанное разноцветными восточными красками блюдо плов, разложили виноград, груши, персики и нарезали особым способом огромного размера ароматную дыню. Высказав друг другу уважение и почтение, мы говорили о жизни и о том, что каждый из нас должен быть благороден и благоразумен в своих помыслах и поступках. Мною были произнесены слова благодарности за оказанное доверие и уважения к седым головам достойных людей. Мы договорились, что в период проведения армейской операции никто из противоборствующих сторон не предпримет попыток каким-либо образом нарушить хрупкий мир и тишину в близлежащей местности.

Я и мои подчинённые, свободные от несения службы, втайне не решались вкушать принесённые дары, памятуя о коварных душманах, которые с улыбкой на устах могли воткнуть нож в спину или отравить приготовленное блюдо и фрукты...

Мы сидели и не прикасались к еде. Видя наши сомнения, один из присутствующих старейшин взял в сложенную пятерню плов и большим пальцем ловко отправил его в рот, закусив это кусочком отрезанной дыни. Мы расслабились и принялись за трапезу. Завершающим аккордом были приготовленные нашей делегацией вкусный крепкий индийский чай, сгущённое молоко и купленное в военторговом магазине югославское печенье и пряники. Завершив достигнутые договорённости, скреплённые званым обедом, мы распрощались, обнявшись по мусульманскому обычаю, троекратно прижавшись друг к другу щеками...

Впереди нас ждали новый день и новые события.

Глава тридцать девятая

На следующее утро началась армейская операция по доставке грузов в северо-восточную провинцию Афганистана — в Бадахшан.

На предельно низкой высоте вдоль дороги барражировали вертолёты огневой поддержки Ми-24. Первым на большой скорости проследовал боевой дозор десантников в составе трёх бронетранспортёров с личным составом на броне и танка Т-62 с минным тралом. Затем на приличной скорости, соответствующей дорожной обстановке, начали движение автомобили с грузом и боевая техника. Мимо меня мелькали загорелые и запылённые лица солдат и офицеров, сидевших на броне. По выражению лиц было видно, что это будничное и привычное для них дело. Многие из участников операции не раз и не два проходили этот нелёгкий путь. Иногда в колонне образовывались разрывы между боевой техникой и транспортом, в которые

вклинивались одиночные афганские «барбухайки», сверху забытые различным товаром.

В конце дня мимо нашего блокпоста ехала «барбухайка», гружённая большими, продолговатой формы, арбузами и здоровенными жёлтыми дынями. Бронетранспортёр с десантниками поравнялся с афганским автомобилем. Ловкий боец в тельняшке перемахнул на «балкон», установленный над кабиной «барбухайки», огороженный деревянным штакетником, и на полном ходу стал перекидывать бахчевые своим сослуживцам. Видя такое форменное безобразие, водитель, высунувшись из кабины, попытался возмутиться, махая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное в адрес десантника, как тут же над его головой раздалась длинная очередь из автомата. Афганец от неожиданности завалился на своё место и резко нажал на педаль тормоза. «Барбухайка» встала как вкопанная, что дало возможность «десантуре» спокойно завершить начатое ранее дело...

Ближе к вечеру, когда начало темнеть, движение техники завершилось, а наша работа продолжалась непрерывно: солдаты осуществляли наблюдение за местностью, в установленное время я получал доклады от всех блокпостов, сам выходил на связь с командованием батальона, пару раз проехал по дороге в зоне нашей ответственности.

Очередная ночь прошла спокойно. Утром, до начала движения колонны, я решил немного вздремнуть. Не успел я посмотреть ни одного сна, как меня разбудил Хуршед Ураков и сказал, что к нашему блокпосту подъехал БТР, на броне которого сидел какой-то подполковник с сопровождающими бойцами.

Намочив лицо водой, слегка приведя себя в порядок, я подошёл к бронетранспортёру. Подполковник в новеньком, ещё не выцветшем обмундировании и бронежилете, с бледным и потным лицом, в позе Наполеона сидел на башне БТР. Не спрыгивая с брони, не представившись и не дослушав мой доклад, он приступил к экзекуции... — Почему ты спишь с утра пораньше? Почему не в бронежилете, и где твоя каска? Как на блокпосту организована политико-воспитательная работа? Где боевые листки?

Я не терплю, когда какой-нибудь «начальник» начинает «тыкать». И вообще, откуда такое чванство в людях? Мне стало понятно, что это за птица. Несмотря на звания и должности, таких вновь прибывших в Афганистан военнослужащих называли: «зелёный, как хрен у крокодила, кинь в траву — не сразу и найдёшь». Я не стал при личном составе уточнять новую для него данность. Было ясно, что это политработник, который прибыл в Афган накануне операции.

Для начала я посоветовал подполковнику спрыгнуть с башни бронетранспортёра, так как его нахождение на ней могло послужить преждевременным

возвращением в родные края, уж больно хорошая мишень для снайпера получалась, но он упорно сидел и не хотел прислушаться к голосу разума...

Мне пришлось объяснить, что в боевых условиях нет необходимости выпускать боевые листки. Этим займётся замполит роты после прибытия подразделения к месту постоянной дислокации. Бронежилет я принципиально не носил; собственно, у меня его никогда и не было. Солдаты в обязательном порядке были в бронежилетах и касках. Почему сонный? Потому что всю ночь не спал, но этого я не стал говорить, так как этому гусю бесполезно было что-то доказывать. У меня было одно желание: чтобы он быстрее закончил самолюбование в глазах сидевших на броне подчинённых и уехал из моего расположения. Подполковник что-то ещё продолжал говорить, переходя на крик, но для меня его слова не означали ровным счётом ничего. Я стойко выслушал тираду подполковника, развернулся на сто восемьдесят градусов и ушёл прочь. Он кричал вслед, что примет необходимые меры, что я получу строжайшее взыскание...

«Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!!!»

Глава сороковая

Об отдыхе не могло быть и речи. Мои бойцы видели и слышали, что происходило на обочине дороги. Мы молча сидели в большой воронке рядом с арыком, заросшей травой, и каждый из нас «переваривал» произошедшее в своих мыслях. Таких случаев за почти два года службы в Афганистане было немного, но они, к сожалению, были.

С началом нового дня колонна до Файзабада вновь продолжила своё движение. В установленное время на связь вышел начальник штаба батальона мотострелкового полка, которому мы были приданы, и озвучил информацию о мотоциклисте, который курсирует по дороге, обгоняя идущую параллельно технику, то в одну, то в другую сторону. Я и сам видел, как на большой скорости несколько раз проехал мотоцикл.

Вместе с двумя бойцами, одним из которых был мой переводчик рядовой Саидов, я вышел на дорогу. Через несколько минут из-за поворота на полной скорости мимо нас промчался мотоцикл с двумя «наездниками». Странно было видеть в Афганистане современный кроссовый мотоцикл. Мотоциклист с напарником, не останавливаясь, проехали мимо. Через некоторое время мы вновь увидели знакомый силуэт, который ехал в обратном направлении, но уже без попутчика. Чтобы не дать возможности снова беспрепятственно проехать мимо нас, мы вышли на дорогу и выставили в его направлении оружие. Жестом, не терпящим возражений, я остановил мотоциклиста. Это был молодой человек, лет тридцати, с чёрными, как смола, длинными волосами, без головного убора,

с чисто выбритым подбородком, в чёрной афганской одежде. На ногах были тапочки на босу ногу. Новый кроссовый мотоцикл блестел никелем, на чёрном бензобаке красовалась надпись «Honda»...

«Наездник» не вписывался в местный пейзаж, и что-то подсказывало мне, что это не простой афганец, праздно разъезжающий по дороге во время армейской операции. Через переводчика я попросил его отойти от мотоцикла и поднять руки для проведения досмотра. Афганец, жестикулируя руками, стал размахивать и громко орать. Саидов подошел сзади, своей коленкой подбил афганца в подколенную ямку, выведя из равновесия задержанного, уронил в пыльную землю, приставив ствол автомата к его затылку. Второй боец осмотрел афганца и мотоцикл. Ничего подозрительного мы не нашли. Тем не менее я вышел на связь с начальником штаба батальона, которому была придана наша сводная рота на время проведения операции, и доложил о задержании мотоциклиста. Начальник штаба незамедлительно прибыл на мой блокпост. Не разбираясь, с помощью своих бойцов он связал мотоциклиста, «загрузил» его в БМП и на мотоцикле самостоятельно проследовал на свой командный пункт. Позже, после завершения операции, я узнал, что мы задержали «духа». Подробности остались мне неизвестны...

Вероятность мести после инцидента с мотоциклистом со стороны его соратников была высока, поэтому я попросил командиров и бойцов

усилить бдительность на блокпостах, особенно в ночное время. Я осознавал, что «духи» могут организовать провокацию или выкрасть кого-то из моих солдат для обмена на своего. Оставшиеся до окончания операции дни мы фактически не спали, даже днём...

Узнав о произошедшем случае, командование нашего батальона прислало на усиление ещё пятнадцать человек. Вместо старшего лейтенанта Колибана из третьей роты приехал лейтенант Алексей Корнилов. Я равномерно распределил личный состав на каждый блокпост, что позволило немного снять напряжение.

Между тем мы заметили, что колонна налегке стала возвращаться в обратном направлении. По уставшим глазам водителей было видно, насколько тяжёлыми были километры дорог и горных серпантинных, проведённые за рулём своих автомобилей.

Всё когда-нибудь заканчивается, подошла к завершению и эта армейская операция по сопровождению колонны до Файзабада и обратно, в которой нашему подразделению была отведена небольшая её часть. В общей сложности мы находились на блокпостах около десяти дней, а ощущение такое, что нас не было в батальоне целый месяц. Столько событий, переживаний и самых разных впечатлений осталось на этой дороге... Недаром срок выслуги для военнослужащих в Афганистане исчислялся из расчёта один день за три...

Окончание следует